Моя судьба под твоими ногами

Автор:
Тальяна Орлова

Моя судьба под твоими ногами

Тальяна Орлова

Крайдин стал угрозой императору. Каждый воин пойдет за Крайдином, каждый накхасит восхваляет победы Крайдина. Героя нельзя убить, ведь погибший герой станет бессмертным символом. Но можно разрушить его репутацию – заставить жениться на той, кого ему не простят.

Марисса, потомственная ведьма, живет одной мыслью: когда-нибудь отомстить извергу, под ногами которого горела родная земля. Стать его женой – очередное извращение судьбы или шанс? Возможно, враги Крайдина на то и делали ставку, когда организовывали этот смешной брак? Ведь ведьме давно нечего терять.

Тальяна Орлова

Моя судьба под твоими ногами

Пролог

Быть может, они могли бы назваться самой красивой парой из всех, что стояли перед алтарем этого древнего храма. Невеста – худенькая, невысокая девушка, которую издали можно перепутать с подростком. Ее большие зеленые глаза кажутся еще больше на фоне бледного лица, а губы сжаты так плотно, как если бы вообще не были приспособлены к улыбке. Рыжие волосы прикрыты

жемчужной фатой – незачем лишний раз раздражать зрителей жутким цветом волос.

Жених заметно старше невесты. Он высок, широкоплеч; осанка и отсутствие лишних движений выдают в нем воина, тяжелый взгляд – человека, принимающего важные решения, смуглая кожа вкупе с иссиня-черными волосами и темно-карими глазами – представителя высшей расы накхаситов. Но сейчас в мужчине нет привычного величия. И только гордость не позволяет ему опустить подбородок или допустить в выражение лица смятение. Нет, он смотрит на всех свысока, пристально заглядывает в глаза людям и ждет, когда они не выдержат и отведут взгляд. И все отводят – со страхом, презрением, злой усмешкой или уважением – но все делают вид, что каменный пол храма занимает их куда больше невероятно красивой пары, ожидающей хранителя для ритуала венчания.

Он смотрит на всех по очереди, но только не на свою будущую жену – боится, что нервы могут сдать. Ведь где-то есть предел и его выдержке. И тогда он убьет ее прямо здесь – одним ударом, ему плевать, будет ли гадюка страдать или скончается в тот же момент. Ему важно только одно: чтобы ее больше не было. Потому и не смотрит на невесту. Крайдин Сорк больше не может позволить себе ни единой ошибки.

Он говорит тихо – так, чтобы только она могла расслышать:

– Только попробуй ссутулить спину, мразь. И тогда ты не доживешь до завтрашнего дня.

Ему очень важно, чтобы и она не показала его врагам слабости. Предел его выдержке вовсе не в ней, а в этом паническом страхе, что его новоиспеченная супруга добавит повода для насмешек. Но она в ответ фыркает – это почти смех, если бы девушка в этот момент могла смеяться. И говорит тоже тихо, цедя сквозь зубы каждое слово:

– Или я не доживу до завтрашнего дня, демон, или ты. Клянусь всеми богами, я до последнего вздоха буду искать возможность убить тебя.

– Хоть какое-то развлечение, – ответил он ей едва слышно и равнодушно, наблюдая, как вперед к алтарю выходит служитель в темной рясе.

Святой хранитель не может заставить себя посмотреть на Крайдина и рыжую, имя которой не хочет произносить даже мысленно. Но ему придется. Раз уж великий полководец, генерал армии накхаситов влюбился в эту недостойную тварь и решил ей дать свое имя, то у хранителя нет власти его остановить. Хотя сердце старого служителя ноет, ревет от отчаяния. Как мог лучший представитель их рода, великий сын великого отца пасть так низко и назвать своей избранницей женщину, которая не достойна даже находиться в этом святом месте? Неужели Крайдин не понимает, что с этого дня перестанет быть героем своего народа? Но ни один из живущих не посмеет высказать Крайдину Сорку это в лицо. Если он сам не понимает своего позора, то никто не станет рисковать жизнью, чтобы об этом очевидном позоре заявить. Промолчит и святой хранитель. Ему велено повязать этой паре брачные ленты, а остальное – уже за рамками его полномочий. Гости притихли в ожидании, когда же служитель начнет. Но он все медлит, тянет последние секунды. Ведь сердце ревет от отчаянья, а глаза не хотят видеть происходящего.

Крайдин уловил заминку. Заметил, как какой-то мелкий чиновник неловко переминается с ноги на ногу и пытается незаметно отойти подальше, к стене. Почти все гости жмутся к стенам, не хотят находиться возле прохода. Это не та свадьба, которую принято считать праздником. Сегодня народ Накхаса переживает проигрыш в череде побед. Сегодня лучший из лучших, кровь от крови самого короля терпит крах. И Крайдин знает, что никто из присутствующих не осмелится сказать об этом прямо. А ему очень бы хотелось, чтобы кто-нибудь сказал. Если бы сейчас кто-то оказался настолько смел, чтобы закричать «Остановись, Крайдин! Что ты творишь? Что вы все творите, если смотрите на это извращение молча?», то этот человек вмиг бы стал самым близким другом генерала. Но здесь нет смелых.

Он мельком смотрит на невесту. Она слишком бледна. Только бы не упала в обморок. Сцепила зубы, спина прямая, подбородок вздернут. Хоть в этом не подвела. Рыжая прядь чуть выбилась из-под фаты, но поправить некому. Никто не захочет прикасаться к невесте. Крайдину пришлось буквально заставлять слуг привести будущую жену в порядок: отмыть, одеть, хоть немного откормить после тюремного заключения и долгого похода. Даже слуги относились к ней с брезгливостью, и кто бы их судил? Может, стоило приказать покрасить ее волосы в черный цвет? Но нет, это бы не помогло. От нее за версту несет гнилым духом ее проклятого племени. Ведьму хоть налысо обрей, она все равно останется ведьмой. Представители высшей расы никогда не вступают в браки с низшими. А ведьмы – низшие из низших. Самый обычный воин из армии

Крайдина не опустился бы до того, чтобы изнасиловать ведьму, как не стал бы есть крыс, даже умирая от голода. Есть грань, ниже которой упасть накхасит не может. А Крайдин берет такую в жены… Интересно, хоть кто-нибудь в храме об этом скажет? Хоть кто-нибудь.

Невесту он ненавидит, но она ненавидит его еще сильнее. И произнесенные слова не имеют никакого смысла. Он не сможет ее убить сегодня же, не будучи в этом обвиненным. Не по своей воле Крайдин сейчас стоит в храме, не по своей же воле будет вынужден называть это существо своей супругой. Конечно, он сможет от нее избавиться, если она не успеет первой. Как бы он ни ненавидел невесту, она ненавидит его стократно сильнее.

Марисса мысленно повторяет себе только одно: не заплакать, не позволить мути слез затуманить ее взгляд, не дать ни одному демону повода обвинить ее в слабости. Если она не сдержит слез, то перестанет себя уважать. Она перенесла боль, голод, страх, мучения в тюрьме и была свидетелем убийств, а то, что происходит сейчас, – ерунда. Вся жизнь Мариссы, все ее страдания обретут смысл, когда она сможет вонзить тонкое лезвие в горло мужа и наблюдать, как монстр захлебывается кровью, а свет в его глазах меркнет. Как бы он ни ненавидел ее, она ненавидит его стократно сильнее. И у Мариссы для этого есть основания.

Мерзкий служка в черной рясе и с кривой спиной все-таки сделал шаг вперед и вскинул вверх правую руку. Клоунада начинается. Через несколько минут Крайдин Сорк, генерал армии Накхаса, бастард умершего правителя, станет законным супругом Мариссы, потомственной ведьмы, дочери Раиды, внучки Налары, единственной, оказавшейся так близко к врагу. И пусть голос служки-накхасита дрожит, рука Мариссы в нужный момент не дрогнет. Ведь она все хорошо помнит.

Глава 1

Марисса до последнего не верила в панику, как дети не умеют верить в то, что привычный мир внезапно может стать другим. И хоть она по местным меркам ребенком уже не называлась, но все равно подсознательно полагала, что старики преувеличивают. Марисса вежливо кивала и вместе со всеми охала,

слушая рассказы о накхаситах, которых все здесь называли демонами, но ей постоянно казалось, что беда обойдет стороной: или демоны пройдут мимо Приреченки, или вообще вернутся восвояси, вдоволь награбившись. Или решат присоединить полуостров к Накхасу миром, ведь воинов здесь отродясь не водилось. А сельский староста кивнет, пожамкает губами и согласится – какая крестьянам-то разница, в чью казну налоги уплачивать? Вот так или как-нибудь иначе все и разрешится. Ведь не может быть такого, чтобы все привычное дочиста разрушилось, чтобы осенью некому было собирать урожай, а зимой лопатами разгребать снег с дорог. Ведь не может быть такого, что сегодня люди улыбаются и ходят друг к другу в гости, печалятся, но у их печали совсем другие основания, просто живут, как сотни поколений до них жили, а завтра вдруг всего этого не будет. Никто, собственными глазами не видевший настоящей беды, в эту беду долго не мог поверить. Вот потому-то старики с посеревшими лицами смотрели в землю, а малышня продолжала бегать по дворам и со смехом размахивать палками, играя в героические сражения.

И нельзя сказать, что существование Мариссы было совсем безоблачным. Но ей ни разу до сих пор не приходилось испытывать ужаса, а юное сердце к ужасам должно подготовиться. Единственное страшное событие в ее жизни произошло в том возрасте, которого она совершенно не помнит. Ведьм обычно не жалуют, побаиваются, однако и сия чаша девушку миновала.

А вот мать ее была самой настоящей ведьмой. Из тех, что не могут жить с людьми по причине затянувшейся на столетия очень взаимной неприязни. Ведьмы любят одиночество и не выносят общественных порядков. Ведьмам хорошо дышится только на свободе, потому они никогда не выходят замуж и не связывают себя другими узами. Живут себе на болотах, крыс своих разводят, жаб собирают, помогают кому-то за соответствующую плату. Или вредят кому-то за соответствующую плату. В общем, участвуют во взаимовыгодном сотрудничестве, но особо не вовлекаются. Большой беды в них местные не усматривают, хотя отчаянно ненавидят. В первую очередь именно за то, чего сами себе позволить не могут. Ведьмы красивы и по природе нечисты. Потому берут любого мужчину в свою постель, а как надоест – выгоняют и берут нового. И не то чтобы ни один отказать не смог, да только у ведьмы всегда в запасе приворотные заклятья. Вот так и выходило, что если ведьма захочет поразвлечься, то все вокруг ее и станут развлекать. Однако любви со стороны обычных людей такое распутство точно не прибавляет.

От Мариссы подробности никто и не думал скрывать: ведь она тоже ведьма, вот и рассчитали верно, что знание ее от каких-то бед и огородит. Мать ее умерла восемнадцать лет назад, с тех пор девочку и взяли на воспитание – все село и никто конкретно. Ведьм хоть и не любили, но все же терпели, поскольку только те могли решить некоторые проблемы. В год рождения Мариссы несколько деревень выкосила черная лихорадка, но именно рядом с Приреченкой жила Раида – явилась по первому же зову, начала всех подряд поить своим мерзким пойлом. Умерли только совсем маленькие дети, коим года не исполнилось, да и то, только потому, что за ведьмой поздно послали. А всех остальных она спасла, буквально из-за линии тьмы вытащила.

Через пару дней, когда к ведьме на болота местные заглянули, чтобы отблагодарить, то обнаружили уже остывшее тело – с темными пятнами на коже, признаками черной лихорадки. Быть может, силы свои она на других истратила или собственный недуг каким-то образом пропустила, но вышло так, что сама от той же заразы и скончалась. А в колыбельке младенец от голода надрывается. И хоть ведьм никто не любит, но как-то без сговора переглянулись, да кто-то на руки взял, укутывать в теплую шаль принялся. Другой припомнил, что ведьма какую-то то ли Марысю, то ли Маришку поминала – тогда решили, что ведьма талдычит про кошку или ворону домашнюю. Про младенца-то никто не знал. Вот так и взяли к себе – всем селом и никто конкретно, потому что иначе не смогли. Бабы молчали – кто своих умерших детей оплакивал, кто выживших благодаря стараниям ведьмы вспоминал. Мужики молчали – многие из них не могли быть наверняка уверенными, что ребеночек-то не от них. Ведь всем известно, что ведьма такого тумана в мыслях навести может, что и зачнет от кого угодно.

Так и стала Марисса первой ведьмой, которую люди воспитывали безо всякой привычной их роду изоляции. Жила в доме бабки Феклы, а потом в доме деда Махора, когда Фекла совсем стара стала. Всем она как будто родная, но не такая родная, как собственные дети. Но по-настоящему несчастной и одинокой Мариссе бывать не приходилось. И от нее никто не пытался скрыть, кем мать ее была и бабка. Чтобы девочка смогла выводы сделать и во взрослую жизнь как достойная женщина войти. Быть может, именно потому Марисса не допускала себе под юбку никаких любопытных парней даже в ту пору, когда полностью расцвела, а все ее подруги уже успели узнать горячие ласки. Так странным образом и вышло, что самая распутная из них по природе оказалась никем не тронутой, потому что очень боялась оправдать подозрения людей, которые всю жизнь были к ней добры.

Уже года три как дед Махор начал повторять, что Мариссу бы выучить – раз уж все равно ведьмой уродилась, но ведь своя же, родненькая, а не какая-нибудь там ведьма, про которых говорить можно только морщась. Если бы она хоть немного постигла знахарство, как ее мать, так всем же польза. Но школ для ведьм не бывает. Ведьму обучает только ее мать, а ту – ее мать, и так уже тысячи лет. Случай неординарный, и дед Махор, заручившись поддержкой односельчан, принялся за дело усерднее, чем травой курительную трубку набивал. Он и в город ездил, всякие слухи собирал, и письма рассылал, и иногда ответы получал. Его старания безуспешными остаться не могли: он отыскал некий ведьмовской ковен. Сам же в долгий путь отправился, посетил посреди лесной чащи домик старой ведьмы. Старухе, по всей видимости, уже лет тысяча исполнилась, раз она походила на развалину, но все равно в ее жестах сквозило изящество. Это их черная ведьмовская магия работает, которая любую из них делает желанной для мужчин даже такого возраста, как бедняга дед Махор.

Махор брезгливо осматривал освежеванные тушки крыс и сетки с луком, развешанные по всему убогому жилищу, в которую старуха сама его и привела после отчаянного зова. Ведьма внимательно его выслушала, но отказала. Так и заявила, что даже если Марисса – истинная ведьма, то уже испортили ее людишки своими правилами и порядками. Такую теперь нормальному колдовству и не обучишь – тоже, поди, брезгливая, как некоторые. Но если явится сюда, то Даира ее своему ковену покажет, там и решат, стоит ли с ней возиться. Что в этих лесах их трое живет, вот и весь ковен. И если любая сестра людским воспитанием подпорченную девицу под опеку взять захочет, то сама она возражать не станет.

Дед Махор, пока до дома добирался, на сто раз этот вопрос передумал и решил, что незачем их Мариссе курвиться. Ведь действительно, славная девушка выросла – умница, скромница, и старшему поможет, и злости ни в каких ссорах не проявит. Красавица, конечно, но это про любую ведьму можно сказать. Так что выйдет она замуж за любого парня – в их или любой другой деревне, станет замечательной женой и матерью. А слюни молодняк на Мариску давно пускает, ей никаких приворотных заклятий не потребуется, чтобы жизнь обустроить. Так и решил дед Махор не отсылать подопечную на переобучение к ведьмам.

А через три года все изменилось: сначала прошли слухи о том, что демоны идут по их земле. И идут только с одной целью – захватить все мелкие королевства материка. А то, что захватить не получится, испепелить. Старику не нужно было рассказывать о жестокости накхаситов, он слышал про это бесовское племя еще

от своего деда, и никогда хорошего. Но раньше им не нужна была мирная и плодородная земля Мирандийского полуострова, а теперь они решили захватить весь континент. Если город или поселение отказывались сдаваться, то до утра не доживала ни одна душа. Накхаситы не ведают сострадания ни к детям, ни к старикам. Они хуже той самой черной лихорадки. Если же поселенцы склоняли головы и без боя отдавались в руки захватчика, то им тоже приходилось несладко. Накхаситы прямо на улицах брали самых красивых женщин, а самых сильных мужчин убивали, чтобы под ногами не путались, то есть творили на отобранной территории что хотели. И все равно второй вариант местные выбирали все чаще, потому что так оставался шанс выжить хоть кому-то.

И новости эти придавили тяжким грузом всех: теперь будущее виделось черным и неотвратимым. Невозможно селянам уйти в леса в преддверии осени и пытаться спрятаться там. Тогда зимний холод и голодные волки сделают то, чего не сделали накхаситы. Бежать морем на другие материки – тоже путь не для всех. Поначалу через полуостров шли возы с беженцами, но моряки быстро поняли источник наживы. Теперь чтобы уплыть в другие земли, нужно было иметь огромные деньги – всей деревней даже на один билет не соберешь. Так и вышло, что все селенья полуострова оказались между двух огней: с трех сторон недоступное море, а на севере неспешно приближающаяся армия демонов. И будущее не сулит ничего хорошего: или смерть, или что-то похуже смерти. Старейшины со всех соседних деревень собирались и пытались найти хоть какое-то решение, но решения попросту не было. Высказывались предложения отправить всех молодых в леса – авось кто и выживет. Или изуродовать всех молодых девок, чтобы солдатам не приглянулись. И многое, многое другое, но совершенно ничего радостного. Тогда Махор вспомнил о ведьмовском ковене и старухе-развалине. Ведь никогда их черное племя никто не любил, но если хорошо призадуматься, то только эти страшные отшельницы и представляли собой хоть какую-то силу против врага. Теперь он сокрушался только о том, почему ведьм так мало, почему в их краях ни одной не осталось.

Он и заявил Мариссе, что она должна уйти к своим сестрам. Что с ее гладкой кожей и яркими волосами у нее не будет другой судьбы, кроме как стать потехой для солдат. И что если и есть шанс укрыться в лесах и не быть пойманными, так у тех самых старух. А Мариссу они примут, потому что им она своя, а людям никогда своей не была. Пусть уже уходит, сельчане за жертву ее матери уже давным-давно расплатились, так сколько еще будут нахлебницу терпеть?

Девушка насупилась. Но дед Махор специально говорил резко и однозначно, чтобы она и мысли не допустила об отказе. И, кажется, она все прекрасно поняла, потому что посмотрела на него пристально, сощурилась и покачала головой:

– Неужели все так серьезно, деда?

Старик тяжело вздохнул:

– Все намного хуже, чем я могу тебе рассказать, девочка. Найди ведьм, обеспечь себе укрытие. А если примут, то попробуй уговорить их взять еще хоть нескольких наших девчонок. Скажи, что за спасение они по гроб жизни им служить будут.

Марисса все еще качала головой. Почему-то до сегодняшнего дня угроза ей казалась преувеличенной, но этот здравомыслящий и разумный человек никогда не принял бы такого решения, если бы знал иные выходы. Уйти к ведьмам, а еще лучше – забрать к ведьмам с собой девочек. Мужчин и парней ведьмы на содержание не возьмут, даже пытаться не стоит.

Марисса собралась, кивнула. Встала, схватила заплечный мешок и, не теряя ни минуты, начала скидывать в него нужные для похода вещи. Махор, видя ее рвение, тоже встрепенулся и заговорил увереннее:

– Пока с собой никого не бери. Боюсь, что разозлим ведьм, совсем говорить откажутся. Сначала спроси разрешения, потом за нашими возвращайся. Туда пути – дней десять пешим ходом, но поначалу с возом с зареченскими торгашами поедешь. Если ведьмы разрешат, то ты вернись – забери хоть тех, кого они принять не откажутся. Хотя бы самых маленьких детей… Но если не разрешат, то спасайся сама. Все слыхала, Мариска?

Девушка наклонилась и чмокнула старика в морщинистую щеку. Ответила сдержанно, чтобы самой не разреветься:

– Все слыхала, деда, не волнуйся. Сделаю что нужно. Я пока к бабке Тоше загляну, она меня на ужин зазывала. Не могу уйти, ее не обняв.

И даже уезжая из деревни, Марисса все никак не могла поверить, что беда неотвратима и что угроза не преувеличена. Точнее, верила уже, но представить окончательно так и не смогла. И до отчаянья хотелось надеяться, что дед Махор специально все так нагнетал, чтобы она уехала учиться. А то ведь в каком ином случае она по доброй воле покинула бы Приреченку?

Глава 2

Крайдин хлестал ее по щекам и голым ягодицам, зажимал ее длинные черные волосы в кулаке и тянул на себя, объезжал ее как дикую лошадь. Но она только стонала и выгибалась под ним подобно кошке. Скулила от смеси наслаждения и боли, а потом рухнула на пол, обессиленная. Крайдин к тому моменту уже был удовлетворен, потому не стал ее наказывать за то, что посмела выдохнуться раньше, чем он разрешил.

Вот только когда она во сне, окончательно потеряв самоконтроль, прильнула к нему и засопела в шею, мужчина слабо дернулся и решительно отодвинул ее от себя.

– Уйди, Найна, – приказал тихо, но его приказы и не должны звучать громко, чтобы их исполняли.

Женщина быстро очнулась от дремоты и неконтролируемо скривилась, но ей хватило ума не начинать спор. Найна подхватила свою одежду и бросила еще один взгляд на обнаженного Крайдина.

– Хорошего тебе сна, мой господин, – прошептала как можно ласковее, после чего вынырнула из палатки.

Обоим было понятно, что уходить она не хотела. Что все струны ее женской души натягиваются и рвутся всякий раз, когда звучат такие приказы. И каждую ночь Найна надеется, что когда-нибудь забудется и он. И не прогонит. Позволит ей выспаться в его объятиях, подчеркнув этим очевидное – она давным-давно его женщина. Ей не нужно ни его ласковых признаний, ни нежных слов, ни брачной ленты на руке. Найне не нужна даже его верность. Достаточно просто

быть самой важной для него женщиной, рядом с которой он хотел бы отдыхать не только телом, но и мыслями. Однако Крайдин не устает подчеркивать, что это не так. Найна держалась только мыслью, что и других женщин в этой роли не оказывалось.

Как только смуглая красавица покинула его палатку, генерал подложил под голову руку и задумался о планах на завтрашний день – его давняя привычка. На самом деле Найна его вовсе не раздражала. Он не просто так сделал ее своей любовницей еще в Хлаохе, столице Накхаса, а потом и взял с собой в затянувшийся военный поход. Эта искушенная, развратная женщина очень ему подходила и чуть ли не единственная была способна полностью отражать его страсть. Но он не позволял ей приближаться сильнее, не позволял ей думать о том, что кроме постели их может связывать что-то еще, потому что это не было правдой. Крайдин пользовался великолепным телом Найны ровно до тех пор, пока хотел им пользоваться. Он вышвырнет Найну из своей жизни сразу же, если она перестанет его так же радовать. Развратниц в мире полно, а Крайдин один. Он намерен жить долго и увидеть в своей постели огромное количество диких кобылиц. Еще Крайдину приятно ломать сопротивление тихих скромниц, которые всеми силами притворяются, что могут не стонать и не сходить с ума от блаженства по одному его приказу. И они тоже со временем превращаются в дикарок, похожих на теперешнюю Найну. Найна не первая и не десятая, и уж определенно – не последняя. Так пусть не тешит себя иллюзиями. Крайдин слишком хорошо к ней относится, чтобы позволить ей обманываться по поводу их отношений.

Несмотря на то, что женщинам в его жизни никогда не отводилась значимая роль, о браке он задумывался давно и серьезно. А теперь это стало вопросом, который дальше откладывать нельзя. Как только военная кампания закончится и Крайдин вернется в Хлаох, то первым делом примется за поиски будущей жены. И возьмет самую родовитую. Героям не отказывают. Людям, принесшим государству бессмертную славу и новые земли, не отказывают. И этот брак окончательно укрепит влияние Крайдина в столице.

Их отец умер прошлой зимой. Рай наследовал престол как единственный законнорожденный сын. Крайдин, который тремя годами старше брата и не был слишком близок с братом, занял подле него причитающееся место – главного военачальника. Но сразу после коронации Рай принял несколько не самых популярных решений, и тогда пошли первые осторожные слухи – мол, корона слишком тяжела для мягкотелого Рая.

Крайдин в те времена относился к таким слухам спокойно: он был бы дураком, если бы не осознавал разумность таких доводов. И был бы троекратным дураком, если бы решил бороться с братом за трон, который ему без надобности. Нет ничего смешнее разряженного в парчу коронованного чучела на престоле, у которого нет свободы даже во двор без охраны выйти. Необразованный народ думает, что правитель может воплотить в жизнь любую прихоть. Как бы не так. Любой закон, любое решение должно быть тщательно выверено – оно может нарушить интересы какой-то части знати. Или духовенства. Или правителей союзных государств. Или еще кого-нибудь, кому заблагорассудится оскорбиться непродуманным королевским решением. Правитель извечно балансирует между интересами разных групп. А когда устает от этого, то включает режим жесткой диктатуры, чтобы некоторые группы хорошенько переосмыслили, так ли уж сильно их интересы были нарушены. В этом случае он объявляется тираном, что нарушает интересы сразу всех вышеперечисленных групп. А бедное коронованное существо считает годы, когда уже сможет передать неудобный трон старшему наследнику и уйти за линию тьмы, пусть дальше без него с этим хаосом разбираются.

Крайдина интересовала власть. Но власть реальная, а не обремененная короной. И он мог бы взять хотя бы эту, но если его дети кого-то не устроят, то все потом обязательно вспомнят, что Крайдин был всего лишь бастардом, объявят его узурпатором и нелегитимным правителем, вот и конец всей линии престолонаследия. Дело не стоит даже шевеления мизинцем. Именно поэтому брату со стороны Крайдина ничего никогда не угрожало. Быть может, по той же причине их отец держал незаконного сына и его мать близко ко двору, но не снабжал их титулами, чтобы не возникло соблазна, а только родственная поддержка. Так или иначе, но старый король не ошибся в том, что не видел угрозы для младшего сына. И после его смерти ничего не изменилось.

Вот только до неуверенного в себе Рая эти слухи тоже доходили, и он неожиданно их интерпретировал уже по-своему. После смерти отца отношения между братьями становились все более напряженными: Рай постепенно отдалялся, рушил и без того не самые доверительные отношения. А вот уже это последнего совсем не устраивало. Власть в его представлении не нуждалась в короне, но нуждалась в прочной поддержке со стороны короны. А для этого необходимо выгодно жениться и обеспечить своих детей родовым титулом, параллельно укрепить власть младшего брата, чтобы тот окончательно успокоился, удобно разместился на престоле, прекратил дергаться по пустякам и был вечно благодарен Крайдину.

Можно сказать, что текущая военная кампания была отчасти продиктована желанием Крайдина наладить отношения с новым королем. Он пообещал на Высоком Совете, что за два года принесет Накхасу весь материк. И что имя Рая уже только за это войдет в славную историю мира… А со временем оказалось, что совсем не имя правителя будут воспевать простые накхаситы. И что раскол теперь примет необратимый характер.

Вот только до конца войны времени было еще очень много, и Крайдин наслаждался каждым днем. Ни в какой другой обстановке он не ощущал себя настолько живым. Только здесь раскрывались полностью его таланты, только здесь он мог проявить себя и в бою, и в стратегии. Только в эти месяцы Крайдину не было нужды скрывать от посторонних излишнюю жесткость своего характера, за которую часто упрекала его любимая мать. Она все еще хороша собой, хотя возраст берет свое. И только она имеет свободу говорить с генералом Накхаса открыто о том, что все ошибаются. Каждый думает, что Крайдин получился точной копией собственного отца, но это вовсе не так. Старый король был куда мягче, и что боги поступили очень мудро, не дав его старшему сыну той власти, которой он смог бы разрушить мир. Крайдин на эти речи матери только смеялся и не спорил – пусть говорит что захочет, она в его глазах заслужила делать все что ей вздумается.

Это был далеко не первый военный поход Крайдина, но впервые – такого масштаба. До сих пор ему приходилось лишь отвоевывать старые территории Накхаса от кочевых наездников. И он навсегда отучил их и кочевать, и ездить. А вот города и поселения ему до сих пор осаждать не приходилось. Но Крайдин быстро учился. Например, еще в самом начале кампании, когда они весной без боя захватили восточный городок, то быстро уяснили цену сострадания.

Градоначальник передал генералу ключи и склонил голову. Крайдин решил, что здесь вопрос улажен, оставил своих наместников, а с основными силами отправился дальше. И через неделю один из оставленных в городе солдат, выживший случайно, догнал его. Горожане выждали подходящего момента и перетравили всех захватчиков. И подобное будет происходить везде, где люди не слишком испуганы. Крайдин учится мгновенно – и своих солдат он учит тоже быстро: хотите, чтобы за вашей спиной не осталось того, кто захочет поднять оружие? Тогда оставляйте за спиной страх. Настоящий ужас, который вовремя остановит руку. Конечно, Крайдин вернулся в тот городок. И, конечно, не оставил камня на камне, как и ни одной живой души в нем, но десяток своих людей он тем вернуть уже не смог. Потому теперь наводил страх превентивно.

Так или иначе, но это работало.

Через год военных действий он уже почти не встречал сопротивления, а территория Накхаса расширялась с каждым днем – Рай должен быть счастлив получать донесения о победах. Проблемы доставляли только крупные города с военными гарнизонами и изредка вооруженные рыцари, нанятые для охраны земель каких-нибудь титулованных особ. Мелкие же поселения переходили в его власть без отпора, безропотно отдавали своих девиц на потеху уставшим завоевателям, а сильных мужчин – на рудники в Накхас. И тем самым получали право на жизнь. Само собой, все они считали такую плату непомерной, но не знали главного – плата нужна всегда. Не заплатишь сразу – придется заплатить позже и обычно гораздо больше. Например, изначальная жестокость гарантирует, что долгое время жестокости не понадобится. А Крайдин хотел принести Накхасу процветающие города и плодородные поля, а не вытоптанную до камня выжженную пустыню.

И когда уже казалось, что окончательная победа – вопрос времени, накхаситы столкнулись с неожиданной угрозой, которую никогда в расчет не принимали.

Ведьмы. Про них, конечно, знали, хотя эти жуткие твари селились только в южных лесах. Их магия передается по женской линии, само колдовство иное, чем у прочих волшебников – черное, некрасивое, низменное. Магический дар встречается у многих. В любой армии имеются маги, но не они обеспечивают силовой перевес. Маг поможет вылечить раненного, отыскать беглеца или упростить переправу через бурный поток, но битвы выигрываются только сталью и яростью. И вдруг генерал воочию узрел, насколько черное колдовство может быть опасно.

На эту ведьму они натолкнулись около безлюдной переправы. Она стояла поодаль подбоченясь – лохматая, жуткая. Даже прекрасная в этом своем несуразном образе лесного пугала: с длинными рыжими с сединой нечесаными волосами и в бесформенном мешке с прорезями для рук. Она громко кричала, чтобы пришлые убирались с ее болота. Солдаты поначалу опешили, а потом принялись над ней хохотать.

Крайдин, медленно подъезжавший к месту происшествия на своем черном жеребце, не смеялся, он с прищуром осматривал странную женщину и попутно отмечал одну очень важную деталь – она не боялась. Остановился вдалеке, занятый другими делами, и уделил лишь немного внимания странной картине.

Маленькая дикая женщина неопределенного возраста стояла перед десятками вооруженных солдат и высокомерно рассказывала им, как они вскоре подавятся собственным смехом, что-то еще, но с расстояния невозможно было расслышать каждое слово.

Наверняка длительное одиночество свело дуреху с ума. Или она на своих болотах вообще новостей не знала, потому и придумала себе, что всякого может запугать, как местную необразованную чернь. Так Крайдин и решил. Он не стал останавливать своих людей, когда они схватили ведьму за руки и пригвоздили мечами к стволу огромного дерева. Она довольно долго помучилась перед тем, как сдохнуть, зато наконец-то вопить перестала. Крайдин не придал бы тому случаю никакого значения, если бы уже через пару часов не началось странное – те самые солдаты, что ее первыми схватили, слегли с невыносимыми резями в животах. К ночи за ними последовали и другие. Все, как один, из того самого отряда, который и наткнулся на ведьму или подошел к месту ее казни слишком близко.

Маги разводили руками и повторяли, что против ведьмовского проклятия они бессильны. Крайдину пришлось заранее смириться с тем, что около сорока человек он потеряет. Пришлось смириться и им. Но уже через пару дней крики проклятых слышали даже в Накхасе. Они истошно вопили от боли и ужаса, умоляли, чтобы друзья прекратили их страдания, особенно когда у первых из носа и рта полезли черви, а животы их неестественно вздулись. Крайдин проявил не столь уж свойственное ему милосердие – приказал перерезать каждому глотку. Но на этом беды от одной маленькой ведьмы не закончились. Все солдаты, что помогли беднягам, вскоре заразились тем же самым. Зараза передавалась быстро, поражая все больше и больше его людей, пока Крайдин не распорядился организовать карантин, а трупы сжигать, не приближаясь. Зараженных убивали стрелами издали, никакого близкого контакта, чтобы черви неведомым образом не переселились в очередного солдата. Проклятие ведьмы в итоге вычеркнуло из его рядов больше двухсот обученных профессиональных вояк, а таких потерь Крайдин давно не нес даже в открытых сражениях.

После этого он уже намного внимательнее слушал рассказы магов и архиваторов – хотел узнать о ведьмах все. В Накхасе о них говорили с презрением и брезгливостью, но этих темных тварей не любили и здесь. Они могли лечить, но могли и проклинать. Обычно красивые обладательницы рыжих волос, ведьмы никогда не создавали семей и не жили в людских поселениях. Сами себе на уме, непредсказуемые и эгоистичные. В расчет их тоже, соответственно, никто не

брал при планировании наступлений. И вот тут такой казус.

Военный маг резюмировал:

– Я бы не делал поспешных выводов, генерал. Во-первых, ведьм все же очень мало. Во-вторых, их сила зависит от возраста – эта была стара и сильна. Так что не надо рассматривать их отродье как основную угрозу нашему наступлению.

Но Крайдин уже совершил эту ошибку – недооценил врага. И повторять ее он намерен не был:

– Пусть так, Нош, но если ведьмы начнут объединяться, то превратятся в серьезную силу. А сущность у них такая, что они скорее с жизнью распрощаются, чем со своей земли уйдут.

– Верно, – вынужден был согласиться маг.

– Тогда с них и надо начинать, – отрезал Крайдин. – Осторожно, продуманно и планомерно вырезать всех, чтобы не было больше сюрпризов. Настраивайте магические маячки, прошерстим леса.

– Как прикажете, генерал, – маг снова погрузился в свои записи. – Однако есть подозрения, что ведьмы сбивают поисковые сигналы. Так что можем и не найти…

– Найдете, а иначе придется долго доказывать, зачем мне вообще нужны маги, – Крайдин встал, показывая, что разговор окончен.

Вынужденная задержка его разозлила, но подчиненным Крайдин этого не показал. Последние события и без того внесли в ряды солдат панику, что грозило дезертирствами и нарушениями дисциплины. Потому ни один офицер, ни сам главнокомандующий не должны проявить даже каплю страха. Солдаты успокоятся, когда увидят, что ведьмы умирают точно так же, как обычные люди. И что после уничтожения ведьм, коих здесь по пальцам можно пересчитать, продолжению наступления уже никто препятствовать не сможет.

Глава 3

Никогда прежде Мариссе не приходилось так далеко уходить от родной деревни. По меркам торговцев и путешественников путь, предстоящий ей, не мог бы называться сложным и трудным. Особенно в конце лета, когда днем уже солнце не испепеляет, но и ночью не слишком холодно. И все равно в первые пару дней девушку трясло от страха и нервного перенапряжения, а на третий день ей страшно захотелось вернуться домой – и будь что будет. Но она передвигалась вперед, напоминая себе о том, что дед Махор все равно прогонит. Да и возлагает на нее определенные надежды, так что Мариссе нужно хотя бы отыскать ведьм и узнать, скольких девушек те согласятся спрятать от бесчеловечных накхаситов.

От дороги она не удалялась, опасалась заблудиться. Голодное зверье ей вряд ли угрожало в это сытое время. За перешейком Марисса свернула на запад и, уже измотанная походом, теперь осматривалась внимательнее и припоминала точное описание деда. Армия демонов до этих краев уже должна была дойти, но одинокой путнице проскочить несложно, в отличие от больших групп беженцев с возами и телегами. Однако пока ей встречались только местные жители, которые тоже в страхе ожидали появления пришлых.

Марисса, следуя советам Махора, вынуждена была свернуть с широкой дороги в лес. В тот день ее путешествие окончательно потеряло даже мнимую видимость приятности. В деревне она заметила презрительные и недовольные взгляды в свою сторону и заочно поблагодарила вырастивших ее людей за честность. Сами они к ней никогда со злостью не относились, но предупреждали об отношении к ведьмам в других поселениях. А Марисса была внешне настолько ведьмой, что к ней относились с опаской уже загодя и издали, только шевелюру рассмотрев. И почему-то никому дела не было до того, что одета она в такое же платье, как любая деревенская девушка, что косы ее аккуратно заплетены, а не распущены по ведьмовским обычаям грязными нечесаными патлами, что кожа ее чиста, а пальцы не окрашены от долгого взаимодействия с травами. Ведь сразу понятно, что вышла она не из леса, но стойкие предубеждения под натиском разумных аргументов не умирают.

Но это лишь немного подпортило ей настроение, а неприятности все еще ждали впереди. Уходя все дальше и дальше в лесную чащу, Марисса начала переживать о том, что попросту потеряется. Да и волки в таких диких местах

водились злее и увереннее в своем праве. Отчаявшись, она начала кричать во все стороны так, как научил ее дед Махор:

– Даира, Даира, где ты? Ты обещала, что посмотришь на меня и решишь, стою ли я обучения! Даира!

И с содроганием слушала в ответ лишь уханье совы. С тех пор, когда Махор был в этих местах и отыскал старуху Даиру, три года миновало. Даира могла и помереть за столько времени. Или все-таки девушка сбилась с пути. Или ведьма решила ее таким образом испытать – дескать, отыщет Марисса правильное место, значит, достойна. А не отыщет, пусть катится восвояси.

Ночевать пришлось в лесу. Марисса костер-то развела, но от страха так уснуть и не сумела. Все же ощущается огромная разница между проходимыми местами, где в любой момент можно живую душу встретить, и вот этими густыми чащами с ветвистыми лапами, которые тянутся к спине, стоит только глаза прикрыть. Марисса всхлипывала, успокаивала себя, а под утро вообще разревелась от бессилия. И все равно на ее очередной призыв ответила только сова.

Еще день поисков по лесным трущобам не привел ни к каким результатам. Марисса решила вернуться в деревню и расспросить местных о ведьме – они должны знать точнее, где ее искать, ведь люди в случае нужды к ведьмам и обращаются. Так жутким откровением для нее стало то, что она после нескольких часов плутания на дорогу так и не вышла. Теперь еще и паника захлестнула. Но на этот раз рыдать она себе не позволила, а провела вторую ночь на дереве, крепко привязав себя к стволу поясом. И на рассвете снова вернулась к поискам – уже не ведьмы, бесы с ней, а дороги или любого поселения. К тому времени уже стало ясно, что Даира или отвечать не собирается, или вовсе зова не слышит, а вот страх с паникой становились все сильнее. Мариссу с самого утра третьего дня блуждания по лесам не покидало чувство, что кто-то постоянно смотрит ей в спину. Неприятное и ничем не подтвержденное впечатление, однако очень морально изматывающее.

К счастью, вскоре она наткнулась на человека. В смысле, он на нее наткнулся, а Марисса поначалу испугалась и все собранные в ладонь ягоды выронила. Издали показалось, что встречный уж слишком высок и смугл для местного жителя, уставшее воображение нарисовало чуть ли не демона из армии Накхаса. Но присмотревшись, Марисса удивилась своей первой реакции. Нет же, самый обычный белобрысый паренек. Бледный, с прыщами на подбородке, едва ли

старше ее самой. За плечом худой самодельный лук, в голенищах сапог скорняжные ножи, какие девушка многократно видела. Это у нее фантазия от страха и одиночества разыгралась. Марисса тоже сделала несколько шагов к незнакомцу, который широко ей улыбался на подходе.

– Ты охотник? – спросила, опасаясь подойти еще ближе.

– Конечно, – паренек самодовольно повел плечом, словно указывая на лук. – А ты какого ляда здесь бродишь одна? За грибами, что ли?

Марисса выдохнула с облегчением. Парень махнул ей рукой в сторону места своей стоянки и принялся собирать ветки для костра, она присоединилась. У нее осталось вдоволь хлеба и вяленого мяса, так что ж странного, если два путника разделят друг с другом трапезу возле огня? И выглядел незнакомец приветливым и простым.

Марисса осмелела окончательно, когда пламя затрещало, подминая под себя сухие ветки.

– Послушай, добрый охотник, я ищу ведьму. Старуха где-то здесь живет. Не подскажешь дорогу? – спросила она, удобно усаживаясь на бревно поближе к огню. Днем было довольно тепло, но ночью на дереве Марисса вся измерзлась, теперь постоянно казалось, что тепла не хватает. Сняла с плеча мешок, с удовольствием вытянула ноги.

Она вынула и протянула ему кусок хлеба побольше. И вздрогнула, отметив, что парень как-то слишком пристально на нее смотрит. Прожигающе. Но хлеб взял, а улыбка стала еще чуть шире. Да что с ней? Самый обычный, очень приятный и дружелюбный деревенский житель. А смотрит так… это ж потому что ведьма! Это Мариссе пока непривычно, но повсюду на ведьм именно так и смотрят. Ей пришлось сделать над собой усилие и тоже улыбнуться, чтобы сгладить впечатление. Он ответил, все так же не отводя от нее взгляда:

– Ведьму ищешь? Нет, не знаю. А разве ты сама не ведьма? Прости, я не слишком хорошо в этом разбираюсь.

Что за невероятный вопрос? Да и манера говорить у него очень странная. Разве ведьму сложно отличить от любого человека? И волосы медно-рыжие –

обязательный атрибут, но важнее другое. Красота ведьмы всегда особенная, нельзя перепутать с ней обычную красавицу: глаза ярче, кожа бледнее, все цвета насыщеннее, чем у любой женщины, слабое свечение, которое заметно в темноте и часто вызывает скорее мистический ужас, чем очарование. Все ведьмы красивы, но они красивы иной красотой, чем другие женщины: ведьму узнаешь и в маленькой девочке, и в древней старухе. Это свойство их черной магии, как рассказывали Мариссе. А этот странный незнакомец делал вид, что сомневается. Глаза у него непонятного цвета – вроде бы светло-голубые. А если мельком глянешь, то кажутся совсем черными. Но как только снова приглядишься, то увидишь – ничего подобного, светлые глаза.

Опомнившись, Марисса запричитала:

– Ой, я ведь даже имени твоего не спросила, добрый охотник! Меня Мариссой зовут.

– Крайдин, – после паузы представился он. – Я приехал с севера, у нас ведьмы не живут, потому и заинтересовался. А некоторые вещи у местных стыдно спросить, засмеют за незнание.

– А-а! – воскликнула девушка облегченно, получив такое простое объяснение. И заговорила теперь проще: – Конечно, там не живут! Ведьмам же обязательно болотистую местность подавай или чащи непроходимые, на худой конец. Это, наверное, чтобы много людей к их жилищу подойти не могли. Хотя я точно и не знаю, зачем им обязательно в отшельничестве надо жить… А на севере у вас что? Горы да скалы? Кстати, демоны через ваши земли уже прошли?

– Демоны? – не понял охотник.

– Ну да, накхаситы! Ты потому сюда и приехал? Правду говорят, что в них ничего человеческого нет? У нас на полуострове много беженцев было, они страшные вещи рассказывали. Забыла сказать, я же сама не из этих краев – с юга я! Так что же, видал ты демонов? Как думаешь, наших ведьм можно уговорить из лесов выйти и против демонов вместе с нами встать? Или им их одиночество всего важнее?

Наверное, ошибка была в том, что Марисса задавала разом много вопросов, и бедному охотнику приходилось выбирать, на что отвечать. Вот он и выбрал то,

что его самого больше интересовало:

– Говоришь о жизни ведьм так, будто сама не одна из них, – его голос звучал тихо, вкрадчиво. И, честно говоря, не был похож на голос совсем молодого парня. Как-то глубже, грубее. Если закрыть глаза, то и не представишь обладателем такого голоса бледного сутулого паренька. – Ты так и не ответила, ты ведьма или нет? Полукровка? Бывают среди вас полукровки?

Мариссе снова пришлось себе напомнить о том, что северянин попросту ничего о ведьмах не знает, вот и переспрашивает бесконечно какие-то глупости. Потому она вздохнула и решила объяснить, незачем обижать приветливого человека только за лишнее любопытство:

– Ведьма, конечно, – она отвела взгляд. – Это любой с виду поймет. Но и не ведьма в то же время. Я среди людей росла, в самой обычной деревне, совершенно ничего колдовского не умею, и учить было некому. Вот и иду теперь… учиться. Или от демонов спасаться. Или все вместе, что вернее.

– То есть ты вообще ничего не умеешь?

– Ничего. Говорю же!

– Но как ты можешь быть уверена, что непременно станешь ведьмой?

– Не уверена, – Марисса начала раздражаться от его непонятливости. – Да и вряд ли стану! Так они деду Махору и объяснили – дескать, поздно уже меня обучать, раньше надо было.

– Тогда зачем идешь?

Он так и продолжал улыбаться, а из черных глаз ни на секунду не уходила внимательность. Марисса снова вздрогнула, голубые у него глаза! Это пламя от костра такие странные отсветы дает. Не очень красив, хотя еще есть надежда, что израстется, возмужает и станет не таким угловатым и бледным. И глуп он, как пробка. Да и вообще, может оказаться опасным вором или насильником, например. Но до сих пор Марисса большого зла от людей своими глазами не видала, только слышала о зле, потому и перестроиться сразу не могла. Охотник

ей не нравился, но это не причина, чтобы забыть о вежливости. Хотя с каждой минутой Мариссе все больше хотелось встать и уйти. Пока она это желание игнорировала, но все чаще посматривала по сторонам.

– Марисса, – он отвлек ее от мыслей. – Прости, если я раздражаю излишней назойливостью. Мне просто стало интересно. Ведь ведьм вроде бы не любят, зачем же к ним добровольно идти?

«Раздражаю излишней назойливостью» – самая обычная фраза, каждое слово Мариссе известно. Но она снова почувствовала озноб по спине. Сложное ощущение – быть может, интуиция. Или четкое понимание, что деревенские ребята так не выражаются. Зная такие слова, они никогда не используют их в бытовой речи сразу скопом. Теперь встать и уйти захотелось еще сильнее, хотя снова не нашлось нормального повода для побега, а лишь ерунда какая-то, наподобие набора слов. И после охотник добавил такое, после чего совсем не по себе стало, а «излишняя назойливость» уже казалось самой привычной фразочкой:

– Или меня неверно информировали о неприязни местных к ведьмам?

Марисса ответила чуть нервно:

– Есть неприязнь, есть! Но мне-то куда деваться? Люди видят ведьму, ведьмы видят человека. Ни там, ни там не своя. Вот и решила, что хоть советом помогут. Или не помогут. Научат. Или прогонят. За спрос же денег не берут! Так отчего ж не спросить?

– Так ты изгой в обоих сообществах? – он приподнял рыжеватую бровь. – Допустим. Хотя никаких явных доказательств я пока не вижу: ты не выглядишь забитой жертвой и не проявляешь осторожности, которая обязательно была бы заметна, если бы ты постоянно всеми отвергалась. Но допустим. А перекрасить волосы – не проще выход? Не злись, я просто спрашиваю. Северянин же, беженец от демонов, я говорил.

– Ничего я не злюсь! – фыркнула девушка. – Просто пора мне уже, да и тебя от работы отвлекаю, так до ночи и проболтаем о ерунде.

– Хочешь, я составлю тебе компанию в поисках?

Марисса встала и поклонилась незнакомцу, имя которого уже вылетело из ее головы из-за непривычности, растянула губы в самой мягкой улыбке:

– Спасибо за предложение, добрый охотник, но не стоит из-за меня собственное дело откладывать. Я дальше пойду. Может, кто дорогу и подскажет, хотя я уже очень сомневаюсь, что ведьма по-прежнему живет здесь. А тебе желаю легкого дня и ценной добычи!

Он ничего не ответил и не остановил. Через несколько метров Марисса не стала сдерживаться и побежала. Ей все казалось, что он зачем-то побежит следом, но ничего подобного не произошло. Намного позже она остановилась от жара в легких, а самой стало смешно. Надо же, придумала себе в обычном дружелюбном пареньке какую-то немыслимую угрозу, хотя он даже слова грубого не сказал и ровным счетом ничем ее не обидел. И уж точно не собирался ее преследовать. Тоже сейчас, наверное, смеется, если заметил, как она ноги уносила.

Отдышавшись, Марисса огляделась – незнакомая поляна, сюда она еще не забредала. Нелепая встреча заставила ее ненадолго забыть о том, что она не приблизилась к цели поисков. И возвращаться к охотнику теперь совсем глупо, чтобы спросить, в какой стороне ближайшая проездная дорога.

Глава 4

Все-таки ведьм недооценивали все. Армейские маги, способные разыскать любого беглеца с помощью маячков, через десяток безуспешных попыток найти хоть одну ведьму в лесу вынуждены были развести руками. Вернее, одиноких путников-то они находили, но уже издали было понятно, что наткнулись на обычных людей. Крайдин некоторое время никак не мог понять, как обычную девушку с рыжеватыми волосами запросто отличают от ведьмы, но принял этот факт, когда получил возможность сравнить вблизи.

Эксперименты магов обязаны были рано или поздно увенчаться успехом, вот, в конце концов, они и вывели разведчиков на одинокую путницу.

– Не ведьма, – сообщил Нош, самый одаренный из магов Крайдина, наблюдая сквозь заросли за девицей, которая кое-как забралась повыше на дерево и привязала себя к стволу. Несмотря на очень неудобную позу, ей удалось уснуть – верный признак усталости и долгого недосыпания. – Я почти уверен, что магический фон ведьм сам собой отталкивает любые маячки. Посудите сами, мы допросили стольких местных – все как один уверяют, что в этих лесах ведьмы живут, а никакие наши поисковики их не находят. Притом я сильно сомневаюсь, что их племя струсило и попросту сбежало.

Крайдин не ответил, он вообще едва мог разглядеть фигурку девушки в уже почти кромешной темени. Зато Нош с этим мог справиться, используя способности магического приближения. И через несколько секунд маг заявил прямо противоположное своему недавнему утверждению:

– Это ведьма! Никаких сомнений, милорд главнокомандующий. Может, она магически слаба? Я не ощущаю вообще никакого фона! Но это определенно ведьма.

– Откуда такая уверенность?

Нош глянул на профиль Крайдина вскользь, он не представлял, как объяснить настолько очевидную вещь.

– Вот вы видели Хлаохское море, милорд?

– Конечно, – Крайдин не отрывал взгляда от силуэта ведьмы на дереве.

– А другие моря видели? – задал Нош очередной нелепый вопрос. Крайдин в ответ только нахмурился, не представляя, зачем вообще поддерживать эту несуразную риторику. – Так вот это примерно то же. Вроде бы море, как десятки других, а не такое же.

– Само собой, – перебил Крайдин, раздражаясь от многословности мага. – В Хлаохском море водятся особые виды рыб и водорослей, что делает его цвет другим.

– Лазурь! – наконец-то подобрал Нош правильное слово. – Чистейшая лазурь. И всякий назовет цвет каким-то привычным словом – голубой, синий, но только увидев, что это совсем не тот цвет, какой бывает у любого другого моря, тогда поймет, где синий, а где лазурь. Понимаете, о чем я, милорд?

– Понимаю, что тебе с таким поэтическим даром в армии не место. Да не бледней, я пошутил. Ладно, что будем делать с этой? Если мы не можем вычислить ведьм, то наверняка это сможет сделать одна из них.

Нош поморщился, словно его беспокоила тупая боль – не особенно резкая, но заметная и отражающаяся в выражении лица.

– Милорд главнокомандующий, у нас теперь чуть больше информации о ведьмах. И если мы все правильно понимаем, то они скорее сдохнут, чем ответят хоть на один вопрос.

– Все зависит от того, как именно задавать вопросы, – задумчиво ответил Крайдин. – А я умею спрашивать.

Маг поежился. Он не был особенно щепетильным или добросердечным, но отчего-то очень не хотел представлять именно эту совсем молодую девушку на пыточном столе. А в том, что у генерала рука не дрогнет, Нош не сомневался. И даже не имея надежды, все равно продолжал убеждать:

– Вспомните, что говорят местные крестьяне, милорд. «Ведьмы живут наперекор остальным», «ведьма скорее задохнется, чем вдохнет по чьей-то просьбе» и прочее, прочее. Есть ли смысл убивать девчонку и ничего не узнать?

Крайдин медленно перевел взгляд на подчиненного.

– А ведь ты прав, Нош. Разрезать ее на куски можно когда угодно, никто не торопит, а если она сама приведет нас к собственной родне?

– Будем следить? – сощурился Нош, высматривая собственный магический маячок над макушкой путницы.

Крайдин сначала кивнул, а потом отрицательно мотнул головой:

– Следить, но я собираюсь для начала познакомиться с ней ближе. Сможешь сделать из меня похожего на местного?

– Все сделаю, милорд. Вернемся в лагерь.

Генерал бросил еще один взгляд на старый дуб, отметил, что ведьма даже не ощутила их присутствия, и последовал за магом, пока не представляя, как именно действовать дальше. Если некий организатор делает сам даже пустячную работу, то он плохой организатор. Но в данном случае Крайдин твердо решил выполнить задачу сам. Во-первых, паника в боевых рядах притихла, но не исчезла. Любому рядовому надо показать, что даже самый высокий чин не боится сталкиваться с такой бедой, как ведьмы, лицом к лицу. Именно за таким генералом и пойдут, куда бы он ни приказал. А во-вторых, Крайдину просто стало любопытно, да тут еще такой великолепный способ развеять скуку. Для деятельных людей нет ничего хуже, чем сидеть долгое время без дела. А поскольку сам Крайдин пересмотрел стратегию наступления, то теперь все его солдаты были вынуждены выжидать в лагере. Жители захваченных деревень поставляли продукты питания и с радостью отвечали на любые вопросы – коротко говоря, из кожи вон лезли, чтобы задобрить накхаситов. До зимних холодов оставалось еще несколько месяцев, потому Крайдин и в этом не видел повода для переживаний. Важнее до тех пор избавиться от ведьм, и тогда вообще никаких проблем не останется.

И лишь познакомившись с Мариссой лично, он наконец-то уяснил глупые сравнения «синего» и «лазури». Ведьму в самом деле ни с кем не перепутаешь и словами однозначно не объяснишь, в чем же отличия – ты их просто видишь, если не кожей ощущаешь.

Очень быстро стало ясно, почему она, в отличие от своих сестер, на магический маячок попалась. Эту девицу никто не обучал. Собственно, ведьмой она являлась только формально. Но притом искала ведьм, то есть полностью вписывалась в план Крайдина. Марисса испугалась его, убежала и не захотела продолжать знакомство, хотя вряд ли заподозрила в нем накхасита. Но в этом Крайдин ничего странного не увидел: девушке с такой внешностью вообще походы по лесу грозят интересными приключениями. Хотя судя по местным сплетням, ведьмы очень даже любят подобные приключения. Не бывает среди ведьм невинных девиц, скромностью ни одна из них не отличается. За такую черту их ненавидят и женщины, и мужчины, попавшие под их чары.

Эта же была безобидной, как мышь. Если бы при ее светящейся изнутри коже и неестественно зеленых глазах она была способна наложить какой-нибудь приворот, то и у Крайдина не осталось бы шанса: наверное, даже он стал бы прыгать через горящее кольцо по щелчку ее пальцев и тявкать по приказу. Странное дело, но мужчина смог подобную картину представить. Ему повезло с необученностью Мариссы. Всему Накхасу повезло. Конечно, в лесу на безопасном расстоянии за ними наблюдал десяток магов, ведьма не ушла бы живой, если бы навредила генералу, но важнее-то не уничтожить конкретно эту, а выловить их всех.

Марисса слежки не замечала. Чувствовала, быть может, на уровне интуиции, как любой обыкновенный человек без специальных знаний ощущает, но ничего сверх того. Крайдин шел за ней осторожно, а она забиралась все дальше и дальше вглубь леса, бесконечно призывая: «Даира! Даира! Три года назад ты говорила, что я могу прийти к тебе! Пожалуйста, хоть выйди, посмотри на меня». Выглядело это смешно и нелепо, но со временем и Крайдин начал надеяться, что неведомой Даире уже надоест слушать глупые просьбы, и она явится хотя бы для того, чтобы Марисса заткнулась. А еще через день он пришел в твердую уверенность, что та самая Даира на призывы не отвечает именно из-за него и прочих наблюдателей. Ведьмы вряд ли глупы настолько, чтобы вот так попасться.

Вечером следующего дня Крайдину наконец-то повезло. Марисса, ушедшая далеко вперед, вскрикнула. Он не спешил приближаться, но когда она истошно закричала, понял – дуреха попалась в трясину. Здесь целая болотная полоса, которую даже по запаху ощущаешь. И до сих пор девушка обходила такие места стороной. Но теперь то ли усталость сказалась, то ли последняя отчаянная надежда, но недоделанная ведьма угодила в топь. Кричала она недолго, а потом замолчала и пыталась выбраться самостоятельно, наконец-то перестав еще сильнее усугублять свою проблему лишними движениями.

Крайдин остановил первый порыв броситься вперед и вытащить ее. Да, с одной стороны спасение может вызвать благодарность. Но уж слишком странным совпадением будет выглядеть их новая встреча. И с другой стороны, она там так жалобно и истошно скулит, что если ведьмы и теперь не придут к ней на выручку, то от этой девки ждать подарка больше не стоит. Тогда пусть уж тонет на здоровье. Мужчина уцепился за крепкую ветвь и взобрался повыше – чтобы хорошо видеть окрестности, но притом самого его заметно не было.

Ждать пришлось несколько часов, даже ноги затекли. Крайдин с удовольствием наблюдал, как глупая девчонка все это время пыталась выбраться. Марисса ухватилась за корень и за это время успела и порыдать, и покричать, и повыть от отчаянья. Должное ей можно отдать только в одном: она не сдавалась, хотя наверняка уже содрала все пальцы в кровь в попытке ухватиться покрепче и перетянуть тело на твердую поверхность, но корень лишь постепенно сползал от ее усилий в вонючую жидкость. В какой-то миг Крайдин уже решил, что девице конец, но даже тогда не спрыгнул на землю, чтобы подойти и помочь. У него нет ни одной причины помогать ведьме, если она не может помочь ему.

И, когда та уже увязла по шею и отчаянно закричала в сереющее сумерками небо, Крайдин понял, что не напрасно сделал эту ставку. Вот только так долго ожидаемая Даира не бросилась спасать Мариссу, а сразу обратилась к мужчине.

– Не поворачивайся, – он услышал старушечий голос прямо за спиной. – Я задам тебе пару вопросов, демон.

Крайдин не так уж часто в жизни испытывал настоящий страх. Но сейчас холодная волна ужаса прошлась по его коже. Смерти он не боялся, да и не просто его прикончить: маги наложили на него кучу защитных заклятий, а сами все находятся неподалеку и ждут его сигнала. Стоит Крайдину только поднять вверх левую руку… Он не спешил с этим, почти наслаждаясь таким непривычным для него страхом на грани восхищения – от того, насколько сильно это создание, которое совершенно бесшумно смогло подобраться к нему и разместиться за спиной прямо на дереве. Однако голос его не отразил и толики этих переживаний:

– Задавай, ведьма. Даира, если я правильно понял. Я постараюсь ответить, а потом начну задавать свои вопросы.

Она выдохнула ему в затылок, будто обволакивая запахом болота и смерти. И все же спросила после паузы:

– Зачем ты принес зло на эту землю?

– Чтобы подарить эту землю своему брату, – спокойно ответил Крайдин, медленно ведя большим пальцем вдоль голенища сапога.

– Ты подаришь, подаришь, – она отозвалась эхом. – Но не заслужишь этим ни его любви, ни благодарности. Твой брат даже не хочет этой земли.

Крайдин не понял смысла произнесенного. Ведьма пытается предугадать будущее или изображает, как хорошо разбирается в душах человеческих? Или попросту сбивает его с толку? Но Крайдин ответил и на это:

– Если будет так, как ты говоришь, то я заберу эту землю себе. Не терплю людей, которые не ценят моих подарков.

Теперь старуха медленно втянула воздух, будто бы показательно нюхала его, по-звериному оценивала запах чужака. И вдруг спросила о другом, резко сменив тему:

– Почему ты не помог той, что тонет сейчас в болоте?

Ответ был до абсурдности очевидным, Крайдин не видел смысла скрывать:

– Потому что ее смерть меня не тревожит. Я хочу вырезать всех ведьм, так нет беды в том, что одна из вас утонет.

– Она не утонет, – выдохнула старуха. – Она сама так думает, но этого не произойдет. Потому что я уже приказала болоту не забирать ее жизнь. Девчонка помучается еще час или два, выберется, обсохнет и пойдет дальше невредимая.

– Зачем ты мне это объясняешь, ведьма? Или это лишь способ намекнуть на свою немыслимую силу?

– Нет. Это способ подчеркнуть, что на этот раз не ты ее спас. Это была я. Да, я не смогла пройти мимо ее мучений, потому что она своя. Но спас ее не ты. Это важно.

Крайдину захотелось расхохотаться, но он сдержался и только усмехнулся.

– С какой бы стати мне ее спасать?

Ведьма наклонилась к его уху, неприятно вцепилась пальцами в плечо и прошептала:

– Неужели еще не чувствуешь, демон? Твоя судьба под ее ногами.

Крайдин напрягся:

– Что ты несешь? Это проклятие?

– Проклятие, ежели угодно. Но не мое. Ведьмы моего возраста и силы крайне редко создают людям беды – особенно если видят, что и без них человеку будет несладко. Тебе будет очень несладко, демон. Твое счастье будет на расстоянии вытянутой руки, но никогда ты не сможешь взять его. Вот та самая неумеха, – костлявый палец ведьмы подался вперед так, что Крайдин теперь мог его видеть, – будет вправе топтать его, потому что ты сам положишь судьбу под ее ноги. И твои мучения будут достаточной платой за мою сегодняшнюю смерть.

– Да о чем ты мелешь, сумасшедшая?

Старуха отвратительно, скрипуче, как стеклом по камню, рассмеялась. Крайдин перехватил ее руку за запястье, рванул вперед и, едва развернувшись, всадил только что выдернутое из голенища сапога лезвие в морщинистую шею. Рисковать дальше он не хотел, ведь прекрасно знал, что ведьме нельзя дать возможности помучиться перед смертью – проклянет так, что потом обо всем на свете пожалеешь. Тело, потеряв опору, полетело вниз, Крайдин уже через секунду спрыгнул на землю и скривился, разглядывая седые длинные волосы с колтунами, морщинистое лицо, которое уже не сияло мерцающим ведьмовским светом. Интересно, сколько было лет этой рухляди?

Марисса впереди притихла, она что-то увидела или услышала, но вряд ли сразу сообразила, что именно происходит. Крайдин вытянул левую руку вверх, призывая своих магов. И едва только Нош оказался рядом с ним, распорядился быстро и однозначно:

– Вытащите ту из болота. Она прекрасная наживка. Вот эта тварь, – он носком сапога указал на мертвое тело старухи, – знала, чем рискует, но все равно выбралась на помощь. И помогла бы давно, если бы нас здесь не было. Похоже, что ведьм можно ловить на ведьм.

– Как прикажете, милорд главнокомандующий, – кивнул Нош и побежал отдавать распоряжения.

Глава 5

Казалось бы, Марисса всю сознательную жизнь была сиротой, не чужая, не изгнанница, но никому полностью не родная. Не было в ее судьбе ничего такого, чему бы позавидовал другой. Однако до сих пор, как оказалось, она все же пребывала в призрачной иллюзии о том, что люди остаются людьми: жадными и щедрыми, склочными и добродушными, лжецами и правдорубами, но все эти отличия не делают из них другой вид разумных существ. До сих пор. И вдруг в один несчастный день Мариссе пришлось узнать, что бывает совсем иное: в некоторых нет ничего человеческого, а они все равно по какой-то странной иронии продолжают называться людьми. Например, накхаситы. И даже не все из них. Но Крайдин, которого Марисса поначалу приняла за охотника, вряд ли относился к тому же виду, что и сама она. Вряд ли в человеческом языке вообще есть название для таких нелюдей.

Она уже попрощалась с жизнью, увязнув в болотной трясине. Как бы она ни старалась, выбраться не получалось. Марисса все продолжала и продолжала пытаться, не выпускала из рук корень, могущий стать ее единственным спасением. Ноги в вязкой каше уже сводило судорогами – то ли от холода, то ли от усталости. И все это время мучений Мариссу не покидало уже привычное ощущение, что кто-то за ней наблюдает.

Такая смерть – не худшая из смертей. И в определенной степени даже смешная. Это же надо, ведьма погибла в болоте! В среде, где самая приятная и комфортная для нее среда обитания. Жаль, что о нелепой кончине Мариссы никто не узнает, а то бы ее рыжее племя обхохоталось до колик. И когда она уже почти примирилась с неизбежностью, ощутила, что ее больше не засасывает глубже. Стыдно признать, но она даже не была в курсе, есть ли у таких трясин твердое дно и можно ли его достичь. А если так, то Марисса совсем немного отдохнет и снова примется карабкаться вверх. Это ведь намного легче, когда паника отпустила. Девушка позволила себе прикрыть глаза на несколько секунд – не погрузиться в дрему, конечно, а собрать все резервы тела для еще одного рывка. И как раз в этот момент она услышала поодаль шум.

Кое-как разглядела светлые волосы знакомого охотника, едва не закричала от радости… Как же потом она хвалила себя за то, что не закричала в тот момент от радости. И что лучше бы утонула несколькими минутами раньше, чем узнала, что среди людей живут и нелюди.

Накхаситы показались со всех сторон, они довольно легко вытащили девушку на твердую поверхность, да так и бросили на месте. Ноги ее не держали, Мариссу всю трясло от перенапряжения. Возможно, что уже в тот момент она начала догадываться – не болото было ее врагом. Даже если бы оно ее убило, то никогда ее настоящим врагом не называлось.

Охотник шел к ней, отдавая четкие и сухие приказы другим. Так говорят с теми, кто по рангам несоизмеримо ниже. Как король говорит с нищим. Как самый главный староста самого главного города стал бы говорить с последним охранником. С Мариссой ни разу в жизни так не разговаривали. А она смотрела и смотрела, едва сумев поднять голову, и не могла поверить глазам: сутулый угловатый паренек с выгоревшими на солнце волосами иногда мерещился ей совсем другим, стоило чуть прищуриться, сфокусировать взгляд. Еще ближе, еще, теперь Марисса постоянно видела другого мужчину – именно мужчину, а не молодого паренька. Очень высокого, смуглого, широкоплечего. Таких в ее родных землях не встретишь, такая порода рождается только в Накхасе. И лишь голос его остался все тем же. Какое-то магическое марево, которое постепенно опадало с него, а Марисса только диву давалась, почему не разглядела этого сразу же, ведь все ее нутро вопило о неестественности!

Марисса глянула и на мертвую старуху, теперь ненужным мешком трухи валяющуюся под деревом. Белые, совершенно седые космы разметались, закрыли лицо и руку. Даира – именно так старую ведьму описывал дед Махор. И откуда-то девушка твердо знала, почему та теперь лежит мертвая, по чьей вине белые волосы испачканы в крови. Убийца шел к ней неспешно, отдавая короткие распоряжения своим людям, как какой-нибудь король или бог. А Марисса могла сейчас переживать только о том, что ему от нее могло понадобиться.

Она никогда не считала себя сильной. Да и не случалось с ней до сегодняшнего дня обстоятельств, когда какая-то немыслимая сила бы потребовалась. Но теперь Марисса сама удивилась, что смогла сесть, а потом и встать. Поднять подбородок и посмотреть в черные глаза на смуглом лице прямо. Ноги дрожали, раскачивали все тело, но Марисса все еще стояла. А страх смерти отступил

совсем. Пусть точно так же перережет ей горло, и на этом все кончится. Но не просто так он говорил с ней раньше, не просто так следил.

День все же был теплым, хотя солнечные лучи сильно перебивались густой зеленью. Мариссу трясло, но хуже стало, когда ее платье и нижние походные штаны стали подсыхать, превращаясь в твердую корку. Но об этом ей придется подумать потом, намного позже.

– Тебя в самом деле зовут Крайдин? – спросила она, вдруг отчетливо припомнив названное имя. – Вижу, что из правды ты лишь охотник. Охотник, не поспоришь. Загонщик тех, кто слабее.

– Крайдин Сорк, если это важно, – он не подал вида, что озадачен ее совершенно нелепым выпадом. Может, у дурехи от переизбытка переживаний мозги отказывают?

Марисса сегодняшний день проживала только для того, чтобы каждую новую минуту саму себя удивлять. И вот теперь она изумилась тому, что смогла широко улыбнуться. А потом и протянуть елейно:

– Кра-а-айдин Сорк, я запомню. Итак, что тебе понадобилось, демон, от меня? Я не ведьма, говорила уже.

– Знаю, – он глянул на нее внимательнее. – Была бы ведьмой, уже бы меня прокляла. Меня интересуют настоящие ведьмы. А ты сдохнешь после последней из них.

Кажется, именно этого Марисса подсознательно ждала и боялась. Даира все-таки пришла на ее крик – и за это была убита. А когда-то Даира упоминала, что в этих же лесах живет еще две ведьмы. Не придут ли они тоже, если Марисса продолжит звать? Не потому ли Даира так долго не отзывалась, поскольку видела, что за Мариссой след в след идут демоны? И вышла лишь тогда, когда девушка попала в настоящую беду. Только Мариссе было невдомек, что происходит. Она и под маревом демона не узнала, и вела его за собой, а потом и в болото угодила. Сегодняшний день Марисса проживала лишь для того, чтобы себя удивлять. Например, она никогда прежде не думала, что можно возненавидеть самого себя. Да так сильно, чтобы желать самому себе смерти.

И все, что произошло до этого момента, было лишь легкой неприятностью. А вот после него началось пекло.

Демон сделал к ней шаг, наклонился и заглянул в глаза.

– Позовешь остальных ведьм?

Марисса уверенно мотнула головой:

– Здесь нет других ведьм, Крайдин Сорк. Разве ты не знаешь, что ведьмы живут отдельно от людей и друг от друга?

Он в самом деле наверняка не знал, потому пожал плечами.

– Тогда позови. Если будешь истошно орать, а до заката никто не явится, тогда и поймем, что ты была права. Умрешь быстро, я умею быть благодарным за помощь. Ну, а захочешь отказаться, дело твое – кричать ты в любом случае будешь.

В голове Мариссы затуманилось. Это не ведьмовская интуиция или что-то в этом роде, это твердое осознание, что дальше будет очень плохо. И что вариантов выбора нет. За некоторые вещи нельзя торговаться. Ничего ей не оставалось, кроме как отвести взгляд и снова помотать головой.

Решение ее не вызвало в Крайдине ни восторга, ни досады. Полное равнодушие. Констатация факта – ему придется с ней повозиться, потому что она сама так решила.

Отходя, он распорядился:

– Разденьте ее до пояса, привяжите к дереву. Нош, принеси мой кнут.

– Но милорд… – к удивлению Мариссы, худощавый накхасит лет двадцати отроду начал спорить. Однако под тяжелым взглядом командующего стушевался и затараторил быстро, боясь не успеть высказаться: – Это редкая удача для нас – поймать ведьму, от которой не может быть никаких неприятностей! Желательно оставить ее пока живой.

Крайдин остановился вполоборота, задумчиво глянул на Ноша. И произнес все так же бесконечно равнодушно:

– Ты полностью прав, маг. Расскажи мне про все способы решения этой проблемы. Я со ста шагов отличаю людей, с которыми можно договориться, от тех, кто вцепится тебе в глотку при первой возможности. С этой, – он, не глядя, указал пальцем на Мариссу, – ты не договоришься никогда. Сейчас мы с ней будем нежничать, а завтра ее подруги выкосят пару сотен моих солдат. Так что или предложи другой вариант решения проблемы, или засунь свою щепетильность себе в задницу и займись делом. Надейся, что план сработает быстро, и твои ловушки задержат всех ведьм из этого треклятого леса. И тогда ты сможешь забрать ошметки всего, что от нее останется.

– Конечно, милорд, – парень поклонился, очень заметно пряча взгляд от Мариссы, на которую вообще ни разу прямо не посмотрел.

* * *

Вопреки ее ожиданиям, палачом стал не сам Крайдин. Это было очень печально – печально знать, что среди них не один изверг. Судя по всему, ему пришлось отказаться от приятного времяпрепровождения из-за стратегических планов. Мариссу дернули в сторону, кинжалом рассекли на спине ее грязное, твердое от застывшей грязи платье, а затем стянули руки с другой стороны от ствола дерева – так, словно она обняла его, сидя на коленях. Но, конечно, такой картинкой никто даже издали обмануться не мог.

От страха кровь стучала в ушах, а сознание плыло. Еще ничего не началось, но если бы Мариссе удалось вырваться, то она без раздумий кинулась бы обратно, к болоту. Прыгнула бы как можно дальше, чтобы не вытащили. И на том бы закончила этот бесконечный день удивлений. Совсем не потому, что она не ценила жизнь и была готова с ней распрощаться. Просто Марисса всегда о себе знала, что не отличается бесконечной силой духа. А вот если по ее вине погибнут еще две ведьмы, то с этим придется как-то жить. Ей и смерти Даиры оказалось слишком много для осмысления. Легко признать себя слабым, неспособным на героизм и магические трюки. Легко проклясть себя за каждую ошибку – или примириться с каждой. Но совершенно невозможно дышать, зная, что из тебя делают причину смерти других. Используют как червяка на

рыболовном крючке. У Мариссы сейчас было примерно то же отношение к жизни, смерти и боли, как у того самого червяка.

Но несмотря на шум в ушах, она ориентировалась в происходящем по звукам. Голос Крайдина звучал жестко и очень тихо:

– Всем разойтись. Займите позиции. Внизу останутся трое с усиленной защитой от проклятий и всевозможных магических атак.

– Милорд, – это голос Ноша, – очень сомневаюсь, что ведьмы не почувствуют здесь всех. Нам не получится застать их врасплох.

– На это и не надеюсь, – Крайдин ответил все так же равнодушно. – Врасплох их должны застать твои ловушки. А они придут. Первая уже показала, что если поблизости есть хоть одна ведьма, то рано или поздно она явится.

И вдруг, через какую-нибудь минуту, стало очень тихо. Так ненормально тихо, что Марисса попыталась заглянуть, что там происходит и куда все подевались. Но, конечно, так извернуться не могла – привязали ее очень крепко. Похоже, это и означало «занять позиции». Все или почти все накхаситы спрятались или отошли подальше, чтобы установить упомянутые ловушки. Марисса вздрогнула, когда рядом с ней раздались шаги. Мужчина остановился с правой стороны, но девушке оставалось только разглядывать его сапоги из мягкой кожи.

– Мой тебе совет, тварь ведьмовская, – раздался голос, и голос этот не принадлежал ненавистному Крайдину. – Ори как можно громче. Генерал отдал приказ – нет, не убить тебя, а отловить всех твоих гадостных подруг. И мы это сделаем, а что останется от тебя – от тебя и зависит.

Она до последней секунды клялась себе, что не издаст ни звука. И уже тогда в это не могла поверить окончательно. Первый удар кнута по обнаженной коже заставил ее скулить, второй – вскрикнуть. И да, бесы их раздери на части, накхаситы были правы: Марисса жалобно кричала, уже через несколько ударов, от боли позабыв, что обязана молчать. Она многое позабыла за эти несколько ударов, даже имя свое вряд ли бы сразу вспомнила.

Палач свое дело знал. Как бы ей хотелось потерять сознание, но этого не происходило. Как только он видел, что Марисса отключается, останавливался,

плескал ей в лицо холодной водой, ждал, когда придет в себя, и лишь затем возвращался к своему жестокому занятию.

Каждый удар убивал в Мариссе часть того, кем она являлась до сих пор. И каждый удар рождал в ней совершенно иного человека. Тот, новый человек, уже не стал бы скулить, съехав ногой в трясину, а ненавидеть этот новый человек умел лучше, чем прежняя Марисса – любить. И с каждым ударом ненависть росла – не к этому палачу, который только исполнял приказы, а к Крайдину Сорку. Вероятно, на пятом, шестом или стотысячном ударе Марисса уже могла соображать и клясться себе – она обязательно отомстит. Ее боль ему покажется сладкой нежностью. Потому что Марисса ведьма, а ведьмы мстительны. Крайдин не ошибся: ведьму надо убивать сразу, в первую же секунду, а иначе она найдет способ испортить твое существование.

Крайдин не ошибся и в том, что ведьмы не могут пройти мимо, когда пытают свою. Неожиданно все изменилось. Волосы Мариссы взметнулись в сторону под порывом шквального ветра, а затем последовал новый – еще сильнее. Мужчина выронил кнут и коротко вскрикнул. Марисса точно слышала, как его тело отлетает дальше, отметаемое воздушной волной, а затем ударяется оземь. Жив он или нет, ей было неизвестно, сейчас важнее стало другое, ведь она кое-как вспомнила, ради чего ее так истязают. Марисса втянула побольше воздуха и завопила что есть мочи:

– Ловушки! Уходите! Здесь какие-то ловушки! Я не ведьма! – последнее показалось самым правильным, Марисса пожалела, что не с этого начала. Потому заорала еще громче: – Я не ведьма! Они выкрасили мои волосы, чтобы поймать дру…

Ей в рот будто влетел ком воздуха – плотный, но дающий возможность дышать. Марисса подавилась, раскашлялась, а сквозь пелену слез разглядела Ноша, который внимательно на нее смотрел и сжимал кулак. Какая-то магия, не позволяющая кричать. Но Марисса все продолжала открывать рот и орать что есть мочи, как если бы собиралась этим беззвучным криком достичь самого дальнего конца леса.

И ветер сконцентрировался где-то рядом, зашумел в уши:

– Я все поняла, Марисса. Я не попадусь. Не могу им попасться, поскольку осталась одна в этом лесу, а лес умрет без ведьмы. Ширну демоны убили на прошлой неделе, Даиру – сегодня, осталась только я. Потому я обязана выжить, Марисса. И ты обязана, слышишь меня? – ветер окутал всю голову девушки ватной пеленой и проник теперь в самое нутро: – Меня зовут Лида, я найду тебя. Выживи, Марисса. Только ты сможешь отомстить за наших сестер. Так вышло, что только у тебя это получится.

Марисса едва заметно кивнула, показывая, что все расслышала и что постарается больше никогда не быть такой слабой. Ветер коснулся ее плеч и исчез – сразу во всех направлениях, будто его и не было. И только после этого несчастная девушка вдруг осознала, что не чувствует боли. Вообще! Ее израненная кнутом спина должна была невыносимо гореть, как и было всего пару минут назад, но теперь ничего от того жжения не осталось. Это Лида ей подкинула такой подарок, полностью убрав все болезненные ощущения?

Кто-то сзади кричал:

– Она была здесь! Почему ни одна ловушка не сработала?

– Не было! – нервно ответил с другой стороны Нош. – Не было ее! Какие-то энергетические волны… Я представления не имею, что это было, но не сама ведьма!

– Энергетические волны?! – завопил третий. – Ты это Зардаю расскажи, у него шея свернута!

– Не только у него…

На фоне общей истерии голос Крайдина раздался неожиданно вкрадчиво и спокойно. И так близко, что Марисса невольно вздрогнула.

– Что это было, ведьма?

Он сел так, чтобы она не смогла на него посмотреть. Да Марисса и не собиралась. Наверное, даже кстати – ему не стоило видеть облегчение и непонятную смелость на ее лице. Вот только из голоса она эти же нотки убрать

не смогла:

– А что было, демон? Твои смельчаки испугались ветерка?

– Убиты два мага, один рядовой. Три моих человека ушли за линию тьмы в течение одной минуты. Имею я право на вопрос: что это было? Нош говорит, что это заклятие другой ведьмы, кто-то сомневается и считает, что ты сама это сотворила – от боли и отчаянья.

Улыбка сама по себе заиграла на ее губах. Вроде бы пока ничего хорошего не произошло… хотя отчего же? Целых три ублюдка покинули этот свет, а Лида так и не попалась. Вопреки всем ошибкам Мариссы, последняя ведьма этого леса все еще жива и теперь наверняка отошла подальше, чтобы не рисковать.

– О, Крайдин Сорк, это не я! – у нее откуда-то появлялись силы: зародились в животе и теперь отдавались растущей энергией по всему телу. – Если бы я была на такое способна, то начала бы не с твоих прихвостней. Если бы я только была на что-то способна, то сейчас твоя кожа сползала бы с тебя лоскутами, а ты истошно бы орал под мой хохот. Но ты продолжай, продолжай. Если в этом мире есть хоть капля справедливости, то я стану на это способна.

Крайдин усмехнулся, зажал в кулаке ее волосы и оттянул назад. Марисса не чувствовала боли, Лида что-то такое сотворила с ее телом, что оно перестало ощущать даже малейший дискомфорт.

– Вижу, что ты только входишь во вкус, – накхасит выдохнул ей в ухо. – Тогда продолжим развлекаться?

– С превеликим удовольствием, демон. Только возьми уже кнут сам. Если, конечно, не опасаешься.

Он раздраженно тряхнул ее, встал и, коротко размахнувшись, хлестнул Мариссу чем-то по окровавленной спине. Она даже не вскрикнула, зато позволила появившейся энергии выплескиваться ядом:

– Сильнее, демон, не отказывай себе в удовольствии. Что может быть приятнее для тебя, чем забить беззащитную жертву до смерти? А может, у тебя где-то

есть жена? Может, есть и дочь? Может, как раз в этот момент кто-то забивает их до смерти кнутами, а? Может даже, ты рожден самой обычной женщиной? Хотя о чем я говорю? Ты выполз из гнилой земли, как червь. Бей сильнее, червь, а то мне надоело дышать с тобой одним воздухом.

Возможно, Крайдин зарычал – у Мариссы не было возможности посмотреть на него. В тот миг она подумала, что перегнула палку. Неожиданное бесстрашие привело к неконтролируемой эйфории, а ведь Лида попросила о единственном – чтобы Марисса выжила. Но ей повезло: и на этот раз за нее заступился Нош:

– Я бы посоветовал вам не горячиться, милорд. Ведьма хоть и бездарна, но остается ведьмой. Но еще несколько ударов, и я уже не смогу ее спасти.

Смех Крайдина в таких обстоятельствах прозвучал уж совсем неуместно:

– Твоя подопечная не выглядит умирающей, Нош. Она выглядит торжествующей, ты только глянь на эту падаль. Мы можем вырвать ей язык для начала?

– Можем, конечно, – от такого ответа у девушки мороз по коже пробежал. – Но нет гарантий, что она грамотна. А я все еще не теряю надежды получить от нее хоть какие-то ответы.

И через несколько секунд прозвучал ответ генерала – Марисса уже не в первый раз удивилась тому, как быстро меняется его настроение. Вот только что казалось, что он рвет и мечет, но уже через миг его голос стал ровным и равнодушным, как несколько раз прежде:

– Ты прав. Приведи ее в порядок. Убить мы ее всегда успеем. Но убедись, что не сбежит, отвечаешь за это головой.

– Как прикажете, милорд.

Мариссу с какой-то ненужной осторожностью отвязали от дерева и уложили на носилки для долгого пути через лес в лагерь. Перенесли ее по распоряжению Ноша в крытый воз. Там маг уложил ее на живот и принялся смазывать раны на коже. Марисса использовала это время, чтобы вздремнуть – ей все еще не было больно. А усталость за весь этот треклятый день накатила неподъемным грузом.

Зато Нош приговаривал:

– Дня за два раны затянутся, но шрамы останутся. Тут уж ничего не поделаешь. Я дам тебе обезболивающую настойку.

– Не надо, – Марисса едва сдержала зевоту. – А то еще решу, что ты человек, а не накхасит.

Маг не ответил, но продолжил очень осторожно обрабатывать ее раны. А после еще и укутал во что-то теплое. Марисса решила, что обязательно той же ночью найдет способ сбежать. Ведь все вокруг думают, что она на грани жизни и смерти, но на самом деле Лида дала ей тайный козырь. Вот только все накхаситы уснут, Марисса сразу же предпримет попытку. А пока еще даже не стемнело – это очень хорошо, все же пара часов здорового сна ей не помешает.

Глава 6

Крайдин шел до самого лагеря с замыкающими. Маги с двух сторон время от времени останавливались и водили руками по воздуху, задумчиво качали головами. Это означало, что ведьм они не чувствуют. И одновременно это не означало, что ведьм поблизости нет. Вот только избивать Мариссу дальше не имело смысла: если ведьма не освободила ее сразу, оставила на верную смерть, значит, уже и не явится. Но почему она убила только троих и оставила в живых всех остальных? Возможно, у ведьм тоже есть резерв силы, как у любого мага? Или эта ведьма боялась повторить атаку, чтобы не попасться?

Однако в какой-то момент все мысли Крайдина перенаправились в совсем другое русло, стал интересен вопрос, который раньше он обдумывал лишь вскользь. Все местные упоминали о неприязни к ведьмам, об этом же говорили армейские архиваторы. Вроде бы ведьмы часто помогают жителям, иногда вредят, но ненависть к ним со стороны обычных людей имеется всегда. И повод для такого отношения понятен: распущенные, грязные мыслями и душой темные девы могли выбрать любого мужчину для своей постели. И никогда не останавливались на одном. Собственно, они даже замуж не выходили, считая брак узами, препятствующими их бесконечной свободе. И такое положение дел не устраивало ни мужчин, ни, тем более, их жен и матерей. Ведьмы умеют так

приворожить, что бедный сильный пол готов идти за ними на край света.

Марисса ничего не умеет, ни одного заклятия не знает, но Крайдину показалось странным поведение Ноша относительно нее. Мага он знал уже несколько лет как перспективного, умного и разностороннего парня, и вдруг тот начал спорить с командующим. Спорить по какой-то ерунде, словно эта ерунда магу важна. Не приворожен ли он уже? Может ли ведьма приворожить к себе мужчину без единого заклинания? В том числе для ответа на этот вопрос Крайдин и позволил ей жить, ему было очень интересно посмотреть со стороны, что произойдет дальше. Ведь в борьбе с ведьмами важным станет любая о них информация. Задумчиво он смотрел на спину мага, который разместился на ночлег рядом с возом. Это могло быть и признаком ответственности – маг не собирался позволить пленнице сбежать, или все-таки заботой – чтобы прибежать в тот же момент, когда ведьма простонет во сне от боли. Крайдин пока не делал никаких выводов, он просто наблюдал. И ему не нравились результаты этих наблюдений.

– Сегодня был трудный день, мой господин, – раздался позади мягкий мелодичный голос Найны. – Я могу помочь тебе расслабиться?

Расслабиться Крайдину не помешает.

– Да. Иди в мою палатку, я буду минут через десять.

– Ты следишь за ведьмой, которую сегодня поймали? – она почему-то не последовала распоряжению немедленно, а решила удовлетворить свое любопытство. – Неужели твои солдаты за этим не уследят? Или тебя что-то тревожит, мой господин?

Крайдин подавил короткий всплеск раздражения и ответил без малейшей эмоции:

– Нет, я жду ар-Дандира, Найна.

– Архиватора? – удивилась она, поскольку точно не сочла этот ответ очевидностью – будить старика посреди ночи не стали бы из-за какой-то ерунды. А для срочных дел архиваторы и не нужны. Только поэтому Найна удивилась настолько, что не удержалась и спросила: – Зачем?

Крайдин не обернулся и на этот раз, он не сводил взгляда с повозки с пленницей и Ноша, который уже укутался в шерстяное одеяло и улегся для ночлега.

– Уйди, – сухо, на грани слышимости произнес Крайдин, и этого тона хватило Найне, чтобы мигом испариться.

Даже в самых лучших из женщин есть эта черта – навязчивость. Чем мягче и податливее их тело, тем мягче и податливее душа. И она неизбежно начинает становиться липкой, постоянно тянется к тому, что считает источником своего света. Найне повезло с тем, что Крайдин был к ней очень привязан и считал одной из красивейших женщин своего народа.

Крайдин не соврал. Через несколько минут к нему, кряхтя и прихрамывая, подошел старик ар-Дандир – один из лучших архиваторов всего Накхаса. Крайдин настолько ценил советы этого человека, что не мог отказаться от его помощи даже в долгом военном походе, хотя и приходилось обеспечивать старцу особенно комфортные условия проживания. Ждал он дельного совета и на этот раз. Ар-Дандир чуть склонил голову в приветствии и сразу же зашелестел пересушенным от возраста голосом, переходя непосредственно к делу:

– В Хлаохе я смогу ответить на ваш вопрос полнее, милорд. Мы взяли в эту кампанию ограниченный архив, а в теме ведьм я не специалист. Среди нас вообще нет специалистов по ведьмам, поскольку этот вопрос в Накхасе неактуален.

– И все же, – прервал Крайдин его монотонные объяснения, – что удалось выяснить сейчас?

Архиватор пожамкал губами, успевая подобрать правильные слова и не отвлекать генерала ненужными деталями:

– В том, что ведьмы способны приворожить любого мужчину, – это факт. Об этом свидетельствуют и опросы местных жителей, и краткие сводки, которые мне удалось раздобыть. Приворот может быть настолько сильным, что именно за эту особенность почти все расы их считают опасными. В Накхасе последнюю ведьму сожгли на костре уже тысячу лет назад.

– Сожгли? – не понял Крайдин, зачем такие церемонии.

– Именно, милорд. Есть основания считать, что только при сожжении можно снять все ее проклятия. Притом если сжечь тело уже умершей ведьмы, спустя хоть минуту после ее окончательной смерти, то это не сработает. Повторяю, милорд, это только домыслы! В Хлаохе, после тщательной работы в столичном архиве, я буду готов отвечать более обстоятельно. Пока же все на уровне баек.

Крайдин коротко выдохнул. Знать бы ему об этой мелочи раньше! Тогда он смог бы спасти жизни стольких своих солдат. Ему крупно повезло, что вторая ведьма, старуха Даира, проклинать его вроде бы не собиралась. Ар-Дандир, уловив, что командующий внимательно его слушает, продолжил без напоминаний:

– Я вернусь к основной теме, милорд. Похоже, что с помощью приворотов ведьмы были способны разрушать семьи – о, не усмехайтесь, милорд, это совсем не мелочь! Ведь они могли разрушать любые семьи, в том числе и королевскую. Ведьма, ежели ей только такой судьбы захотелось бы, могла бы стать королевой или кем угодно!

Крайдин резко развернулся и уставился в изумлении на старика:

– До такой степени?

– Именно до такой! Потому в Накхасе их закономерно посчитали серьезной угрозой!

– Но ведь ни одна из ведьм так и не приворожила никого из королей? Или у меня пробелы в образовании?

– Нет, милорд, такого не случалось, – ар-Дандир теперь тоже задумчиво поглядывал на повозку. – Здесь следует учесть и другую особенность ведьм – они никогда не выходят замуж.

– А, – Крайдина рассмешило сопоставление двух взаимоисключающих факторов: – То есть от ведьм избавились потому, что они могли стать женой кого угодно, но притом они никогда не выходят замуж?

– Не выходят, – подтвердил ар-Дандир, но сарказм уловил. – Милорд, вы ведь понимаете, что далеко необязательно связывать себя узами брака с кем-то, если можно связать его заклинанием полного любовного подчинения? Да и то, что прежде не рождалось ведьм, желающих подобного, не означает, что такая ведьма никогда бы не родилась! От возможной угрозы избавились… превентивно, так сказать.

– Ладно, – Крайдин кивнул, принимая объяснения событиям тысячелетней давности. – То есть приворот чрезвычайно силен. Но я спрашивал о другом: может ли ведьма приворожить кого-то, сама того не желая?

– А вот здесь у меня снова информация на уровне домыслов. Скорее всего, нет. В упоминании сказано, что ведьм обучают с рождения. Их образовательная программа, если можно так выразиться, похлеще, чем у наших магов. Если эта, – он указал на повозку, – вам не соврала при первой встрече, то я почти уверен, что она ни на что не способна. У ведьм особая магия, требующая особых ритуалов пробуждения.

– Почти уверен? – уточнил Крайдин.

– Почти, – подтвердил ар-Дандир и смущенно заулыбался. – Есть еще некая связь между их легендарной распущенностью и силой.

– А это ты о чем? – генералу разговор становился все интереснее. Как же жаль, что он не догадался прихватить с собой расширенный архив, сейчас было бы куда больше информации.

Старик, неловко улыбаясь и отводя взгляд, чем подчеркивал смущающую его тему, все же объяснил:

– Чем распущенней, тем сильнее. Что-то о том же говорили и местные. Не просто так ведьмы чужих мужей соблазняют – для них это способ выживания. К-хм… для них интимная близость, милорд, это не просто… близость, они, можно сказать, высасывают определенного рода энергию из своего партнера и оттого становятся сильнее. Партнер при этом не страдает физически или страдает в столь малых значениях, что сам этого не ощущает. По крайней мере, у нас нет ни одного примера обратного.

– Как интересно, – Крайдин незаметно для себя тоже начал улыбаться – уж слишком забавным выглядел смущенный архиватор, который о кровавых сражениях мог рассказывать спокойно, а тут каждое слово подбирает.

– Вот именно потому я почти уверен, что эта ни на что не способна, если она вам честно о себе рассказала. Ведьмы не бывают скромницами или невинными девами. Да их с раннего возраста учат сначала себе удовольствие доставлять, а потом вынуждать мужчин доставлять им удовольствие! Без подобного ведьма разве что дождик по темной тучке предсказать способна… Эта же, простите меня за бестактность, даже не попыталась вас при первой же встрече раздеть и… к-хм…

– Я тебя понял, мудрый ар-Дандир. Но уверенным быть ты не можешь. Посмотрим, понаблюдаем.

Архиватор хотел что-то добавить, но осекся, снова склонил голову и молча поковылял к своей палатке. Быть может, надеялся отыскать еще что-нибудь полезное для генерала.

Крайдин же еще минуту смотрел на крытую повозку, на Ноша, который давно притих во сне. Конечно, изучить ведьм важно. И такую ценную наживку жаль просто убить. С другой стороны, не выйдет ли милосердие Крайдина ему боком? Милосердие, кстати говоря, всегда выходит боком. Вся история человечества тому доказательство. Но так жаль просто выпустить из рук то, что больше никогда в твоих руках не окажется.

Глава 7

Пока шел к своей палатке, Крайдин все время думал и представлял, как совсем молодые ведьмочки танцуют в лесах нагишом свои танцы. И как мужчины сходят с ума по одному их велению. Их распущенность связана с их силой. То есть сама их порода обязана быть настолько развратной, какую не вообразишь для обычной женщины. Крайдину никогда не нравились скромницы, но ему никогда не доводилось сталкиваться с теми, кто изначально создан быть шлюхой. А дополнительно к этой особенности им даны эти рыжие волосы, гибкие тела и кожа, будто подсвеченная изнутри. Это, наверное, для тех

мужчин, на которых заклятия не работают. Крайдин невольно усмехнулся. И снова буйная фантазия подкинула новую картинку – ведьма, сидящая в обозе, соблазняет Ноша или любого другого солдата. Она ложится на спину, раздвигает ноги широко, выгибается дугой, показывает грудь. Да понадобится ли любому мужчине магическое принуждение, чтобы против подобного устоять? Вот именно эту так просто представить стонущей, призывно открывающей рот, способной удовлетворить не одного ею избранного, а целый десяток мужчин. Точнее, не их удовлетворить, а саму себя, насытить свою бездонную энергию.

Картинка эта странным образом завела, кровь закипела. Потому-то, едва войдя в свое походное жилище, генерал сразу рванул к Найне. У него не было настроения нежничать, скорее наоборот – выплеснуть все это возбуждение как можно скорее, не заставляя себя терпеть ни минуты. Она уже заранее освободилась от белья и приспустила платье на плечи, чтобы он мог сорвать его одним рывком или просто задрать, если пожелает. Женщина попыталась обнять его, поймать ласковый поцелуй, но вряд ли она получит ласку именно сегодня. Крайдину не было дела до того, чего хочет она – он собирался как можно быстрее освободиться от тянущей внизу живота животной страсти.

Схватил Найну за плечи и надавил, усаживая перед собой на колени. Спешно развязал шнурок на широких штанах, позволил ткани опасть на бедра. Сразу ткнулся членом в податливый теплый рот. Найна невольно застонала, принимая. Возможно, она очень удивилась тому, что ее мужчина пришел сюда уже перевозбужденный. Ему было плевать и на это. Он удерживал ее за затылок и толкался каменным членом все глубже и резче. Выплеснулся ей в рот довольно быстро, наслаждаясь тем, как скручивающее напряжение отступает, дает возможность дышать легче.

Не желая объясняться, молча указал ей на дверь. Теперь хотелось полежать в горячей ванне, расслабить уставшие мышцы, а для этого придется распорядиться набрать и согреть для него воду. Он пожалел, что не отдал этот приказ раньше.

Найна, хоть и натягивала одежду спешно, но едва слышно шмыгала носом. А возле выхода остановилась и прошептала:

– Мой господин сегодня груб. Но мне и это в тебе нравится.

Крайдин ответил, не отвлекаясь от розысков чистой одежды:

– Это очень хорошо, Найна. Потому что если бы тебе это перестало нравиться, то я прямо сейчас выдал тебе повозку и показал путь на Хлаох. Ты здесь только потому, что нам обоим это нравится. Я не стал бы тебя держать здесь силой.

Показалось, что она снова шмыгнула носом, но на этот раз смолчала и растворилась за пределами палатки.

Крайдин вышел через несколько минут, чтобы распорядиться о горячей воде. Но, задумавшись, прошел дальше вдоль костров и незаметно для самого себя остановился на том же месте, где недавно говорил с архиватором и наблюдал за повозкой с пленницей. Благодаря Найне и ее чудесному ротику, сон как рукой сняло, потому генерал позволил себе несколько минут неосознанного созерцания.

И будто бы по заказу, через несколько минут тяжелый полог на возе покачнулся. Крайдин бесшумно сделал несколько шагов вперед. Ведьма осторожно выглянула и пристально осмотрелась, особенно долго задержав взгляд на спящем Ноше. Дурная, неужели она думает, что вокруг все спят так же крепко, и нет никаких дозорных по всему периметру?

Все еще не замечая наблюдающего, девушка опустила босые ноги на землю, сапоги она потеряла еще в болоте. Вытянулась всем телом, заглядывая за край воза в поисках самого безопасного пути для побега. Похоже, она считает накхаситов слепыми или инвалидами. И Крайдин решил ее не останавливать – если даже такой неумелой дурехе удастся прошмыгнуть мимо охраны, то завтра кнут встретится со спинами всей ночной смены. Генерал в подобное не верил, но почему бы лишний раз не испытать собственных же людей? Но нормально ли, что она движется так мягко и грациозно, хотя вроде бы должна еще несколько дней валяться на краю сознания и кричать от боли?

Он оставался с другой стороны от костров, в неосвещенной полосе, делая шаг только после того, как шаг от него делала беглянка. И через три ее шага улыбнулся, услышав:

– Эй, стоять на месте! Роанд, это не наша ли ведьма?

Девчонка нервно выдохнула и застыла. Хватило у нее ума все же не пытаться добежать до зарослей – не вышло бы, даже будь она более прыткой. В дозоре стояли умелые лучники.

– Она, – другой голос. – Может, ее связать?

– Понятия не имею. Приказа такого не поступало. Я разбужу Ноша, уточню. Ну-к, двигай обратно, мразь рыжая. Мало тебе досталось?

Ведьма обреченно опустила худые плечи, медленно развернулась и на этот раз вскрикнула, увидев Крайдина, который за это время переместился к ней за спину. Он только бровь изогнул:

– Прогуляться решила?

Этой рыжей девке хватило наглости задрать подбородок и посмотреть прямо ему в глаза. Притом она удерживала одной рукой остатки платья на груди. Со спины шмотье было разрезано до самого пояса. Вот только ни вид ведьмы, ни голос не подтверждали этот страх и уязвимое положение:

– О нет, Крайдин Сорк. Я решила сбежать. У меня уже в печёнках сидит гостеприимство накхаситов, хочу всем рассказать о вашей доброте.

– Успеешь еще. Было бы к тому времени чем говорить, – генерал улыбнулся еще шире.

Уже подоспевший Нош источал такую ауру паники, что на него и смотреть нужды не было:

– Милорд! – мага подводил голос. – Я предупредил охрану, чтобы посматривали сюда! И она не должна была еще быть ходячей!

– Вот и мне интересно, – Крайдин глянул на взъерошенного после сна паренька, отчего тот побледнел еще сильнее, – что же за мазь у тебя такая чудесная, и почему наши раненные после нее так быстро в себя не приходят?

Нош растерянно посмотрел на Мариссу, нарочито грозно ухватил ее за локоть и подтолкнул к возу. Крайдину тоже было интересно, потому он не мешкал и последовал за ними. Подхватил масляную лампу, поднял выше. Маг за это время заставил ведьму улечься на живот и замер в изумлении, разглядывая ее спину. Та, к удивлению обоих, не стала сопротивляться и вопить.

Крайдин уселся поудобнее за спиной мага, протянул руку с лампой дальше, но от той же демонстрации удивления воздержался. Заявил с иронией:

– Нош, да ты просто великий магистр из древних легенд. Надо же. А мертвых воскрешать умеешь?

– Зря вы шутите, милорд, – сдавленно ответил маг. – Это не моя мазь сотворила чудо, вы знаете.

– Знаю, – Крайдину надоело мучить Ноша. – Уйди.

– Как прикажете, милорд.

Маг шмыгнул к проходу. Крайдин аккуратно провел пальцем по красной полосе на спине ведьмы. Примерно так выглядят шрамы после страшных ран – через несколько лет и после правильного оказания первой помощи. Пройдет еще несколько дней, если не часов, и даже этих полос не останется. Спина уже гладкая, как будто не проходился по ней многократно кнут, сдирающий кожу с мясом. Крайдин запоздало отметил, что ведьма ежится от прикосновения его пальцев и скрипит зубами, но помалкивает – не знает, что высказать на этот раз? Но не забыла продемонстрировать, как ей противно. Наслаждаясь ее реакцией, Крайдин провел еще раз, теперь всей ладонью. Девица от отвращения или нервного напряжения задрожала, что только рассмешило накхасита. Трогать ее и самому было неприятно, потому он решил не продолжать затянувшуюся шутку: убрал руку, отодвинулся и наблюдал, как ведьма садится, вдавливается в темный угол повозки и прижимает платье к груди. Как она кривит губы в злой усмешке – созданная природой для соблазнения, но такая же омерзительная по воле той же самой природы.

– Что вылупился, демон? – не шепчет даже, шипит.

Крайдин и не думал раздражаться. Хотя уже не в первый раз ему хотелось дать себе волю – избить ее до такой степени, чтобы в следующий раз она четырежды подумала над каждым словом. Но это можно сделать и завтра, а сегодня и без того от ночи остается все меньше.

– Итак, это способность всех ведьм – заживлять раны? Или ты все же что-то умеешь?

– Откуда мне знать? Я же объяснила, когда считала тебя обычным охотником, что я не ведьма и никогда ведьмовству не училась.

– Думаю, это можно проверить. Например, выпороть тебя кнутом снова и понаблюдать, как именно проходит процесс заживления.

Генерал снова ответил равнодушно, он и не начинал злиться, но наблюдал за ней пристально. Ему почему-то очень не нравилось странное сочетание страха на грани паники и решимости на грани храбрости. Обычно люди испытывают что-то одно. Но эту всю трясет от ужаса, но притом если бы у нее в руках был нож, то она бы ни секунды не размышляла – бросилась бы на врага. Это тоже было очевидно: вот так глаза горят только у тех, кто ни секунды не стал бы размышлять.

Марисса выплюнула смешок:

– Ты уже не удивляешь меня, Крайдин Сорк! Я говорила тебе, чтобы не тянул время. А то обещаешь, обещаешь, а сам только языком полы подметать умеешь.

Крайдин вздохнул, ощутив усталость. Приподнялся, направляясь к выходу. Ведьме он ничего объяснять не собирался, но и тона не понижал – ему было все равно, слышит она или нет:

– Нош, распорядись, чтобы ее связали. Похоже, у ведьм какая-то способность к восстановлению, но ар-Дандир пока не может дать исчерпывающую информацию. Будем исходить из того, что видим собственными глазами. Если эта мразь сбежит, то ты позавидуешь градоначальнику из Томашей Гавани.

– Глаз с нее не спущу, милорд, – молодой маг склонил голову.

Крайдин не вкладывал особого смысла в произнесенную угрозу, просто хотел, чтобы Нош не терял бдительности. Маг – плохой охранник, но его служба заключается не в этом. Ведьма не сбежит, потому что дозорные у Крайдина вымуштрованы до идеала. Потому и Нош особого страха не проявил, он тоже не видел почвы для переживаний. Но генерал вовремя вспомнил о более важной теме:

– И слушай, Нош, если тебе покажется, что ведьма все же умеет накладывать какие-то чары, то не побойся – сообщи мне. Даже если не будешь уверен. Говори о любых подозрениях.

– Конечно, милорд.

Крайдин забыл о горячей ванне и уснул через полсекунды после того, как упал на лежанку в своей палатке. И притом улыбался, видя перед собой картинку, как рыжая лохматая стерва прижимает к груди грязную серую ткань платья, а смотрит так, как будто готова отдать жизнь только за то, чтобы Крайдин Сорк хотя бы ногу подвернул. И эти красные полосы на ее спине – они так похожи на следы сексуальных игр, от которых сносит голову и у Крайдина, и у его любовниц. Красные полосы, которые исчезнут через…

* * *

Главнокомандующий спал крепко и пребывал в прекрасном настроении, еще не представляя, как короток и как сложен окажется остаток его победоносного шествования по континенту. И уж точно ему было плевать на то, что Найна все еще не спит: она кутается в теплое одеяло, перекладывает подушки, но все никак не может удобно улечься. Все сильнее ее тревожит вид любимого мужчины, выпрыгивающего посреди ночи из повозки ведьмы, а потом уходящего к себе с легкой – совершенно неестественной для него – улыбкой на губах. Все солдаты отзываются о ведьме с брезгливостью, но так же о ведьмах говорят и местные. А для наследника королевской крови возлечь с представительницей другой расы немыслимо, такой позор может стать несмываемым. Крайдин Сорк определенно не из тех людей, которые из-за страсти теряют голову. Но что же тогда происходит? И почему он просто не придушил ведьму, а ходит к ней ночами?

Найна не ревновала – она всерьез боялась за своего мужчину, боялась слухов, которые могут пойти о нем и которые могут поставить крест на его и без того довольно шатком положении. Каждый солдат Накхаса отдаст жизнь за Крайдина Сорка, потому что он стал для них символом силы и смысла. И каждый дворянин Накхаса мечтает видеть Крайдина Сорка поверженным, потому что знать ненавидит то, что не может контролировать.

Глава 8

Марисса чувствовала себя ничтожеством, раздавленной букашкой. Когда заклинание Лиды начало ослабевать, к Мариссе вернулась боль и показала, что нет в девушке той силы, которую она так отчаянно пыталась продемонстрировать Крайдину. Показалось, что вся кожа на ее спине стягивается узлами, да с каждой минутой все крепче. Это была совсем иная боль, не та острая, вызванная ударами, но от того не менее мучительная.

И, когда не сдержавшись, Марисса заскулила в сложенные ладони, расслышала рядом с собой шепот.

– Да потерпи ты немного. И не дергайся. Уже к утру даже следов не останется.

Марисса в страхе всмотрелась в темноту, но ничего там разглядеть не смогла.

– Лида?

– Лида, Лида, – почти нервно ответила темнота. – Лежи смирно, сказала же. И без того непросто лечить с большого расстояния.

И сразу стало легче. Боль-то не отступила, а наоборот, как будто затягивалась еще туже, но Марисса вдруг о ней позабыла. Оказалось, что скулила она совсем по другой причине – от отчаянья, страха и одиночества. И как только рядом ощутила родственную душу, так сразу душа и развернулась, расправилась. Марисса старалась не шевелиться, но и молчать теперь не могла:

– Лида, а на самом деле тебя здесь нет?

– Нет, конечно. Потому и так долго. Я не пойду за тобой в лагерь демонов.

– И правильно! Не рискуй. Если мне пропадать, то зачем же пропадать нам обеим?

Темнота то ли фыркнула, то ли рассмеялась:

– Не собираюсь я ни за кого пропадать. А ты сама в своих несчастьях виновата. Сидела бы в своем… где ты там сидела?

Марисса невольно улыбнулась, вспоминая родные края:

– В Приреченке. Это рядом с Зареченкой, – девушка подумала, что звучит это довольно глупо, потому добавила то, что любой знает: – На Мирандийском полуострове.

– А, ясно, – сухо ответила ей ведьма. – Вот и сидела бы в этой своей Реченке, целее бы осталась.

– Так не могла ж сидеть! – возмутилась Марисса. – Демоны и туда придут. Я хотела хоть чему-то успеть научиться…

– Агась, вот и научилась. В болоте плавать и орать под кнутом научилась, дурная. Довольна теперь?

Марисса совсем на ведьму не злилась. И если бы та присутствовала в возе телесно, то наверняка бы не удержалась и обняла ее – просто так, за то, что пришла и помогает. И что поговорить хоть с кем-то можно. Или все это Мариссе только снится, потому что она уже давно провалилась в болезненную дремоту? Тем не менее настоящую или призрачную встречу ей заканчивать не хотелось.

– Не довольна, – ответила спокойно. – Но и в Приреченке оставаться не могла. Все равно б беда туда явилась.

Лида надолго задумалась, а потом выдала совсем другим тоном – тихим, неуверенным:

– А вот и не явилась бы… Кажись, не пойдут демоны на полуостров.

– Это еще почему?

– Не знаю. Чую так.

Марисса удивилась:

– Ведьмы умеют и будущее предсказывать?

– Не всегда. Да и молода я еще для таких способностей. Но ты сказала, а у меня в груди зачесалось, как бывает, когда врут. Так что врешь – не пошла бы беда за тобой, ты сама к своей беде вышла. А это уже больше на судьбу похоже, таких совпадений не бывает.

Марисса не собиралась спорить или соглашаться – да кто она такая, чтобы слова настоящей ведьмы под сомнение ставить? А если та не ошиблась и демоны действительно до ее родных краев не дойдут, так тем лучше.

– Готово, – Лида прервала ее размышления. – Пока синяки остались, ссадины скоро затянутся, не бойся. А мне пора.

– Подожди! – Марисса испугалась, что ведьма просто исчезнет, и села. – Научи меня хоть чему-нибудь!

– Вряд ли осилишь, – вздохнула темнота. – Слишком изнеженная у тебя душонка, слишком чистые ручонки. Не так ведьмами становятся, дуреха.

– Так попробуй. Хоть совет дай, Лида. Конечно, я попытаюсь убежать и домой вернуться, раз туда война не дойдет. Но, может, именно твой совет мне и поможет это сделать?

Лида снова надолго замолчала, но потом все же ответила:

– В принципе, ничего не изменится, если я тебе кое-что скажу. А вдруг и впрямь хоть когда-нибудь в тебе сила проснется? Но всему научить не сумею, у тебя сил мало – хоть одно бы умение освоить. Скажи, что тебе узнать важнее всего:

лечить рану, снять боль, отыскать кого-то, распознать ложь, любовный приворот сотворить, договориться с лесом или…

Марисса перебила, потому что ответ был готов задолго до произнесенного вопроса:

– Проклинать. Скажи, как проклясть демона.

Лида рассмеялась, довольная ее решением:

– Вот, теперь вижу, почему Даира за тебя жизнь отдала. Ты и за нее, и за Ширну и за себя судьбу демона хорошенько потопчешь. Тогда слушай – сила ведьмы появляется только после того, как она впервые с мужчиной ляжет. Но не с любым. Ведьма выбирает. Если мужчина ей по душе, то страсть настоящая, тогда и сила пробуждается. И каждый раз, когда в нее входит выбранный ею же мужчина, тогда ведьма получает все больше источников энергии. Будь у тебя сотня любовников, ты уже бы и голос ветра слышала, и с солнцем договаривалась.

Мариссу объяснение потрясло донельзя. Конечно, она с детства слыхала байки о ведьмовской похоти, но на себя никогда примерять не приходилось. Зато хорошо припомнились порывы ветра, которые свернули шею трем накхаситам, хотя Лида даже не приближалась к тому месту. Такая сила станет призом за названную цену? Почему-то неприятно. Лучше бы ценой была боль или какое-нибудь другое отвратительное занятие. В данный момент Мариссе не представлялся даже один любовник, а уж от представления десятка или сотни к горлу подкатила тошнота.

– А иначе никак? – осмелилась уточнить она.

– Ты вроде ведьмой стать собиралась, тогда слушай и запоминай. Только настоящая страсть будит в ведьме настоящую силу. Такая, от которой имя матери забываешь и рук-ног не чувствуешь. Она сначала высасывает тебя до донышка, а потом пустоту заполняет новой энергией – вот эту энергию и пустишь, куда захочешь. Чтобы проклясть кого-то, достаточно только высказать. И все, если энергии для проклятия достаточно, то больше ничего и не нужно – все сделается. Проклинать просто, Марисса. Запомни это. Проклясть легче, чем приворожить или вылечить, потому будь очень осторожна, обещая кому-то беду.

Потому ведьмы и живут поодиночке в лесах, чтобы ненароком страшные кары не создавать. Так что вопрос только в том, тонка ли у тебя кишка.

Марисса представила лицо Крайдина Сорка. О нет, она определенно пожелала бы ему самых страшных мучений. И готова на многие жертвы, если он будет страдать сильнее.

Голос Лиды вдруг раздался с другого края повозки и прозвучал тише, чем до сих пор:

– Этот мальчишка, он сильный маг.

– Кто? Нош?

– Да. Попробуй начать с него, он явно неровно к тебе дышит. Попробуй.

– Что попробовать?

– Ты знаешь.

– Что именно? Соблазнить? – Марисса даже это слово едва из себя выдавила.

Но Лида не ответила, она испарилась, обдав пространство легким сквозняком.

Нет, к подобным действиям Марисса готова не была абсолютно. Быть может, не зря ведьм и воспитывают в таких правилах с детства, вот они запросто подобную информацию и принимают. А Мариссе даже целоваться до сих пор не приходилось, свою невинность она собиралась подарить мужу – любимому и единственному на всю жизнь мужчине. И пусть Нош у нее не вызывал того же отвращения, как другие демоны, но все же использовать его таким образом Марисса готова не была. Хотя теперь запоздало и отмечала, что он в самом деле несколько раз приходил ей на выручку. И как осторожно смазывал ее раны вонючей липкой мазью собственного изготовления. Лида права, и он делал это из-за симпатии? Он не просто по-человечески сострадал ей, а возжелал как женщину? Теперь его забота вызывала неприятие, как будто была даром, за который ожидалась плата.

Выход Марисса видела только один – бежать. Вернуться домой или отыскать Лиду в лесах. Хотя нет, теперь Мариссе совсем расхотелось быть ведьмой. Да и хотела ли она того всерьез хоть когда-либо? До ухода из родной деревни Марисса знала только радость и видела вокруг только хороших людей. Если демоны туда не пойдут, то там сейчас лучшее место во всем мире. Всегда было лучшим местом. С другой стороны, ей очень хотелось бы отомстить накхаситу, а только Лида может сделать ее для этого достаточно сильной. В любом случае, сначала надо обрести свободу, а потом уже решить, что делать дальше.

Осторожно выбравшись из повозки, Марисса на секунду замерла. Нош крепко спал возле догорающего костра, подложив под голову свернутую куртку из мягкой кожи. Девушка знала, что ему придется ответить за ее побег – и, вполне возможно, расплатиться жизнью. А в этом лагере он самый лучший из людей… Жаль. Но он на стороне врага, Марисса не может всерьез сравнивать свою жизнь и его. Остановил ее вовсе не Нош, а дозорный. А по ее следам шел Крайдин Сорк, которого уже можно именовать личной бедой Мариссы. И хоть сбежать на этот раз ей не удалось, она не погрязла в унынии. Пытаться она не устанет.

Марисса прекрасно понимала, что слишком сильно испытывает терпение Крайдина и открыто ему дерзит. Ничего с этим она поделать не могла, хотя сама считала эту рвущуюся наружу гордость глупостью. Наверное, в этом и есть природа ведьм, о которой так часто и с такой неприязнью вспоминают, – даже когда глупо, даже когда ведьма рискует жизнью или комфортом, она все равно задерет подбородок повыше и не сможет промолчать. Когда он вел пальцами по голой коже ее спины, Мариссе с трудом удалось сдержать рвотные позывы. Но пока терпимо, вынести можно. Пусть упивается своим могуществом, пусть думает, что уже вытоптал из ведьмы гордость. Все равно рано или поздно наступит день, когда Крайдин Сорк захлебнется своим ядом.

Глава 9

Взятие Орнской крепости окончательно вписало имя Крайдин Сорка в славную историю Накхаса, как самого молодого и талантливого полководца. Сам он иронично признавал некую заслугу и за ведьмами – именно из-за них он принял вначале нелепое решение идти на Орн, что и принесло ему славу завоевателя. Дело было в том, что он вынужден был отложить вопрос с теплыми южными

лесами на потом, когда появятся хоть какие-то ответы. Солдаты уже немного позабыли о предыдущей панике, наведенной первой ведьмой, но для поднятия боевого духа им требовалась победа, а не очередное поражение. Только по этой причине Крайдин не отправился сразу на юг и пока оставил в покое Мирандийский полуостров, решив действовать иначе.

Он покинул лагерь, а сам с двумя сотнями лучших бойцов тайно переправился через широкий Ронд – самую полноводную реку всей западной части материка. И, воспользовавшись эффектом неожиданности, смог захватить крепость, по праву считающуюся последним опорным бастионом сопротивления. На стороне накхаситов сыграла не только удача, но и полная тактическая непредсказуемость такого маневра: никто в здравом уме не мог предположить, что генерал непоследовательно оставит у себя же в тылу с юга незахваченные территории, да еще и пойдет на сильнейшую крепость буквально с двумя отрядами, бросив всю армию для отвода глаз позади. Однако только такие безумцы и выигрывают.

В летописях архиваторы запишут, как Сорк с двумя сотнями людей вошел в крепость и захватил лорда Орна, командующего двумя тысячами воинов. Эта победа была относительно бескровной. Если бы не хитрость, если бы не неожиданное ночное проникновение за стены, а длительная осада, то жертв с обеих сторон было бы куда больше. Крайдин в любом случае захватил бы крепость, потому что он рожден для подобных свершений. И все же среди павших были и двое тех, о которых тоже в летописях упомянут: казненные старый лорд Орн и его единственный наследник. Дело было не в какой-то бессмысленной жестокости и уж точно не мести, но Крайдин хорошо понимал, что таких героев оставлять живыми нельзя. Из любого заточения они смогут вдохновить солдат на последнюю попытку свергнуть захватчика. Чтобы это завоевание впоследствии назвали самым бескровным, Крайдин приказал казнить двух людей и тем самым предотвратил дальнейшую бурю. Правда, за это решение в его славе кровавого тирана прибавилось еще аргументов, – как хорошо, что Крайдину Сорку на подобные эпитеты было плевать.

Уже через неделю вся его армия обосновалась в Орне, празднуя победу. И нельзя было сказать, что кто-то преувеличивает. Для Накхаса наступила эра благоденствия, никогда еще территория родной страны не была столь огромна, а ее сила – столь могущественна. Свободными остались только два участка почти без военных сооружений и хоть какой-то оснащенности, способной остановить армию Крайдина, – узкая полоса западного побережья и

Мирандийский полуостров. Теперь уже и про ведьм никто не вспоминал, каждый солдат, каждый маг или архиватор уже окончательно поверили в своего полководца. И уж точно никакая крестьянская деревня или грязная ведьма не остановит расцвет Накхаса, раз его не смогли остановить военные гарнизоны.

Крайдин хорошо понимал, что его солдатам нужен отдых, хотя душа рвалась закончить дело как можно скорее и вернуться к брату – сделать тому немыслимый подарок. Но все же пришлось смириться с задержкой, даже лошадям нужно выспаться в сухости и тепле, что уж говорить о людях.

Мариссу он оставлял в лагере на попечении Ноша. За ведьмой маг все-таки уследил – или за ней уследили дозорные, неважно. И прошла всего неделя с тех пор, когда Крайдин видел их в последний раз, но какая-то невнятная и притом очевидная перемена в их взаимоотношениях его поразила.

Мариссу стража доставила сразу в подвальные помещения замка Орна, где бывший владелец держал нарушителей и заключенных, ждущих своей судьбы. Крайдин смотрел сверху из окна во двор, когда в крепость привезли пленницу. Понятное дело, что ведьму кормили и не подвергали каким-то особенно жестоким истязаниям в период отсутствия генерала, ведь приказа заморить ее до смерти не поступало. Вместо ошметков платья на ней теперь была чья-то мужская рубашка с подвернутыми рукавами и явно широкие для нее штаны, держащиеся только на веревочной перевязи. В этом тоже ничего особенного Крайдин не увидел, но, провожая ее фигуру взглядом, отчего-то пришел в твердую уверенность, что одежда принадлежит Ношу. Не кому-то еще из солдат, а именно ему.

Один из охранников подталкивал Мариссу в спину, чтобы поспешила переместиться из повозки в подвальную камеру. Девушка чуть прихрамывала, но это обычное дело – она почти весь день сидела в возе без возможности хорошенько размять ноги. Ее наверняка только по нужде и выводили, но этого мало, чтобы через неделю сидения на одном месте не прихрамывать. Охранник не слишком усердствовал, он больше указывал ей дорогу, чем толкал. И вдруг ведьма обернулась, отыскала взглядом Ноша, шедшего следом, и снова уставилась вперед. Вот именно этот взгляд и стал той самой очевидной и невнятной переменой во всем происходящем. Крайдин увидел в нем что-то очень важное – не радость, не облегчение, ни тени улыбки или чего-то подобного, а просто факт – Марисса обернулась только затем, чтобы отыскать глазами мага. Всё, больше никаких причин. И такие детали всегда оказываются весьма

важными. Сердце Крайдина сжалось от нехорошего предчувствия, но пока у этого ощущения не было выразимого объяснения, потому он не позволил себе придать ему значения.

Мужчина все смотрел во двор, как будто надеялся разглядеть там что-то еще – такое же важное, как этот взгляд, но более понятное. Мариссу уже завели за низкую дверь, Нош прошел следом. Но ведь это обязанность мага – проследить, чтобы пленница не могла сбежать и не померла от каких-нибудь непредвиденных опасностей в своей новой тюрьме. Крайдину словно еще одного кусочка для полной картины не хватило. Прошло уже не меньше получаса, Нош выходил и снова возвращался в подвал, а Крайдин до сих пор не мог понять, что в происходящем ему кажется неправильным.

– Я очень скучала, мой господин, – раздался голос Найны сзади. Конечно, любовнице Крайдина сразу показали путь к его спальне.

– Я тоже, – он ответил по инерции, не собираясь обижать любовницу холодностью после разлуки, но и не соврал.

Она неуверенно помялась за его спиной, а потом, так и не дождавшись внимания, осмелилась уточнить:

– Мне остаться или уйти?

Крайдин обернулся. Уже в который раз восхитился красотой и изяществом черноволосой красавицы. Найна даже в трудных походных условиях не растеряла лоска, ее кожа не стала зримо грубее, а грудь оставалась такой же упругой, лоно – таким же манящим. Но прямо сейчас ему хотелось закрыть предыдущий вопрос, а страсть подождет до ночи. Крайдин улыбнулся как можно мягче:

– Сейчас у меня дела, Найна. Отдохни пока, здесь почти так же хорошо, как в Хлаохе. Через пару часов ты забудешь о войне. Встретимся за ужином.

Женщина изящно склонила голову – то ли отводя взгляд, то ли выражая полную покорность его решениям. Крайдина устроила бы любая из этих причин. Он прошел мимо и ускорил шаг. Так не терпелось поскорее оказаться в подвалах и задать Ношу какой-то очень важный вопрос – Крайдин по пути определит, какой

именно.

Стража пропустила главнокомандующего, не издав ни единого звука, лишь поклонившись. И уже там, в узких темных коридорах, Крайдин сбавил темп и пошел совсем бесшумно. Наверное, он не собирался подслушивать. Или он это сделал осознанно, чтобы подслушать? Не потому ли Крайдин так и не дошел до нужного пролета, а замер и вжался в стену? Отсюда гулкие голоса были хорошо слышны.

– Одеяло? – голос ведьмы. Крайдину показалось, что всего лишь неделю назад ее голос звучал чуть звонче, или в этих стенах такое сухое эхо, оттого и ощущения стираются. – Знаю, Нош, что должна благодарить, но не стану.

– А я знаю, что станешь, – спокойный голос мага. – Я принес одеяло не для этого. Неизвестно, на какое время мы осядем в крепости, а если ты будешь спать на голых камнях, то это может отразиться на твоем здоровье. Знаешь о болезнях почек, Марисса?

Она неожиданно легко рассмеялась. Рассмеялась. Как будто не она здесь пленница, которую размещают в каменной тюрьме неизвестно на какое время.

– Ладно, Нош, тогда все же спасибо. Хотя бы за то, что выдаешь все свои поступки не за доброту, а необходимость. Мне в самом деле так легче их принять.

Теперь и в его голосе послышалась улыбка:

– Ладно. Я оставлю лампу. Если сама не будешь нарываться на неприятности, то получишь шанс выжить. И тогда тебе наверняка понадобятся твои почки.

– Нарываться? Ты снова об этой падали Сорке?

Нош перебил ее нервно и резко:

– Если бы кто-то услышал, то ты бы уже сейчас осталась без зубов, Марисса. Все ведьмы такие глупые, или только ты?

– Не могу ничего с собой поделать, – она вздохнула. – Ты прав. Я услышала твой совет.

– Да, я прав. Милорда могут считать каким угодно человеком, но для Накхаса он герой. Конечно, тебе плевать, что еще семь лет назад моя страна захлебывалась от разбоев на дорогах и грабежей кочевых наездников. Теперь ни один из них даже не ступает на нашу землю, если хоть кто-то из них остался.

– О да, Нош, ты правильно заметил – мне плевать! – перебила на этот раз ведьма. – Вот и гонял бы этот твой… – она кое-как сдержалась от очередной колкости, но и без того ругательство будто в воздухе повисло, – кочевых наездников! Какого беса он явился сюда?

– А иначе история не творится, Марисса! – несколько раздраженно ответил ей Нош. – Пойми же ты, глупая, весь материк состоял из сотни маленьких государств, которые теперь станут единым Накхасом. Такие процессы никогда не проходят без боли, но через несколько поколений уже все скажут, что это было лучшим благом. Ты только представь – те же кочевники, или Восточные Острова, или пирракайцы, которые совсем другой породы, чем все мы, когда-то явятся сюда – за нашими ресурсами, женщинами и детьми. Но их встретит уже не горстка маленьких государств, а единый Накхас. А знаешь ли ты, что по всему восточному побережью в деревнях люди грамоте не обучены? Старосты сдавали нам ключи поселений и ставили крестики в документах! Ни одной книги за жизнь не прочел, а гляди ж – судьбами сотни людей управляет. Откуда возьмется у них образование и культура, если их насильно не насаждать? Слышишь, Марисса, не получается по-другому удалять нарывы – или прямо сейчас, с малой болью, или потом, но уже с большими потерями.

– С малой болью? – расхохоталась ведьма. – Да ты шутишь! Сколько людей вы убили только за то, что они оказались на вашем пути?

– Не шучу, – спокойно ответил маг. – Иначе просто не бывает. Никто не принимает перемены добровольно, а ужас усмиряет желание сопротивляться! Страх, который наводит милорд Сорк, спас больше жизней, чем любое милосердие.

– Да ты просто молиться готов на этого своего милорда!

– Глупая! Ты просто привыкла мыслить категориями личного, а не коллективного интереса! Попробуй понять на другом примере. Давай про муравейники, вот-вот, сейчас поймешь!

– Муравейники? – а вот и звонкость в ее голосе. Оказывается, она никуда не делась. – Нош, ну ты и сказочник! Если накхаситы – муравьи, то мы тогда – пчелы! Ясно тебе? Не собираюсь я одним видом с этим твоим… называться! Вот теперь и расскажи мне, зачем муравьи с пчелами воюют и на кой ляд пчелам культура муравьев!

– Марисса, да что же у тебя в голове живет, если ты такую чушь несешь?! Все природные дары в красоту ушли, на ум ничего не осталось? Пчелы – это пирракийцы, например! А наши народы в сути всегда были одним и тем же…

Крайдин отступил и так же бесшумно покинул свою позицию. Сейчас он уже ни о чем не хотел спрашивать своего мага, ему надо было поразмыслить над тем, что он уже услышал. Почему этот образованный и толковый парень вообще что-то объясняет какой-то там ведьме? Почему она спорит с ним, как с равным – и хоть не соглашается, но все же слушает? Они ругались, как… старые приятели. Интересно, если завтра Крайдин отдаст приказ отсечь ведьме голову, то промолчит ли Нош? Возненавидит ли за такое решение генерала? Безусловно. А иначе зачем бы ему сейчас сидеть там, в полутьме, одеяло теплое в руках комкать и пытаться, пытаться, пытаться найти правильное слово, чтобы именно она поняла? Что же произошло за последнюю неделю, что все изменилось до такой степени? Все-таки любовный приворот?

Крайдин сжал кулаки до боли в костяшках. Если душа Ноша затуманена заклятием, то ведьму нужно сжечь как можно быстрее, тогда маг освободится от внушения. Да и зачем она так сильно нужна живой? Только хлеб чужой ест. Хотя вдруг с ведьмы толк будет, когда армия до южных лесов дойдет? А внутри ноет, давит все сильнее непонятным ощущением беды. Как будто не теряет Крайдин отличного мага и верного подчиненного, а уже его потерял… И что теперь обязательно потребуется чья-то жертва, чтобы выйти из этой ситуации. Плата за ту неделю, когда эти двое вот так постоянно сидели рядом и спорили – то об одеялах, то о пчелах.

Крайдин забыл об ужине, который обещал Найне.

Глава 10

Марисса не жаловалась, хотя бед на нее свалилось бесчисленное количество. Она не говорила, когда была голодна или хотела пить, не поминала свое изодранное платье, все еще испачканное в болотной грязи, не ныла, что ей даже по нужде приходится ходить под чьим-то надзором. Последнее оказалось хуже всего – хуже любой боли. Но все же через несколько дней ей начало казаться, что судьба не так уж жестока, раз в главных надзирателях у нее оказался Нош. Молодой маг проявлял какую-то тактичность и пытался сделать ее существование хоть немного более комфортным. Например, дал ей свою одежду, чтобы девушка наконец-то смогла переодеться в чистое и сухое.

Оказалось, что у него довольно сильный дар. Нош потому и давал Мариссе некоторую свободу действий, поскольку мог отыскать ее с помощью магического маячка. Он сам же и рассказал, что именно так нашел ее в первый раз в лесу, после чего произошло знакомство с Крайдином Сорком под личиной охотника. Марисса тогда возненавидела Ноша, ведь он и стал первопричиной всех ее несчастий. Но проходило время, и по мере узнавания она не могла сохранять и лелеять эту ненависть бесконечно. По сравнению с генералом Сорком, который внушал только ужас, по сравнению с остальными солдатами, которые посматривали на ведьму с брезгливой насмешкой, Нош стал единственным, кто рассмотрел в ней человека. Да, пленницу, у которой уже завтрашнего дня может не быть. Но сейчас она жива, и получается, что нуждается в пище, тепле и капле сострадания. Как бы Марисса ни сопротивлялась этому чувству, но именно Нош заставил ее поверить, что не все накхаситы – демоны и изверги. Что и среди них бывают люди.

Вот только соблазнять его по совету Лиды Марисса не хотела. Вообще никого не собиралась соблазнять, даже рискуя всем своим существованием. Останавливало ее не только воспитание и скромность, Марисса отчаянно боялась изнасилования. Больше чем кнута или смерти. Конечно, она слышала много жутких историй о бедных женщинах в захваченных накхаситами городах и не могла об этом не думать. Это ее и сдерживало в первую очередь – казалось, что если она проявит хоть какую-то фривольность, а уж тем более – пошлость, то тем самым спровоцирует кого-то на решительные действия. Но солдаты поглядывали на нее без этого интереса: быть может, спасала грязь, а может, для них ведьма вообще женщиной не считалась. Нош, вероятнее всего, вообще на подобное способен не был. Потому Марисса с каждым днем ощущала все

меньше страха, но до расслабленности ей тоже было далеко. И радовалась, что ее рыжие волосы вызывают в этих мужчинах лишь отвращение ко всему ее роду и не позволяют разглядеть естественную для ведьм красоту.

Целая неделя прошла в относительном спокойствии – или примирении с ужасающим положением. Так или иначе, но привыкнуть можно к чему угодно, даже к заточению. Крайдин уехал, не отдав дополнительных приказов на ее счет, а Марисса со временем стала отвечать на вопросы Ноша и задавать свои. Только лишь потому, что человеку очень важно получить хоть мизер человеческого общения.

Была в военном лагере и женщина – невероятная красавица. Марисса видела Найну лишь мельком, а уже потом расспросила о той Ноша. Не слишком удивилась, узнав, что Крайдин даже собственную любовницу в военную кампанию потащил – какое ему дело до ее благополучия, если речь идет о его желаниях? Показалось, что именно в лице этой женщины Марисса со временем и найдет сострадание – все же женское сердце мягче мужского. И если Крайдин влюблен в эту красавицу, то может и послушать ее совета. Например, отпустить Мариссу – ведь та даже не ведьма в полном смысле этого слова и никакой угрозы не несет. Конечно, о таком заводить речь было еще слишком рано, но Марисса заочно вписала и Найну в короткий список из двух имен тех людей, от которых можно ждать хоть какой-то доброты.

Лида появлялась еще пару раз, но полезных советов больше не давала. Не потому что делала из знаний какую-то тайну – она всерьез хотела помочь Мариссе. Но не видела ни одного способа, как из той вытащить наружу силу, если еще не слишком поздно. И хоть выражалась она всегда холодно и грубовато, Марисса не сомневалась в главном: Лиде не все равно. Именно по этой причине Лида то и дело возвращается, просто посмотреть, что пленница жива и здорова. Ведьма сокрушалась:

– Ты не сбежишь, пока не уболтаешь своего мага отпустить тебя. А он не отпустит, потому что поплатится за то жизнью. Я могу приворожить его к тебе – тогда его желание уже не будет иметь никакого значения. Отпустит, еще и хлебушка в дорогу тебе сложит. А потом и следом поплетется, чтобы защищать. Но для этого мне нужно пробраться в сам лагерь, не смогу такие сильные чары наложить в бестелесном состоянии.

– Подожди, не делай пока, – отговаривала Марисса. – Не рискуй из-за меня. Если погибнешь, то для меня это станет последним камнем на шее. Да и жаль мне Ноша. Смейся, смейся, Лида, но мне жаль, если именно он пострадает – тут и так немного таких, как он.

– Тогда погибнешь ты, – закономерно заметила Лида.

– Попробую решить иначе. Вдруг генерал поймет, что от меня никакого проку и отпустит?

– Ага, отпустит, – сухо рассмеялась ведьма. – Кинжалом по горлу он тебя отпустит. А еще веселее – отдаст тебя всем своим солдатам и будет наблюдать, под каким по счету ты издохнешь.

Марисса задрожала от ужаса:

– Лида, ты думаешь, что они пока не трогают меня только потому, что генерал не дал такого разрешения?

– Не знаю, – вздохнула темнота. – Но ты не обманывайся на их счет. Эти люди тебя боятся – все еще помнят затейницу Ширну. Никто из них не хочет ради пяти минут удовольствия потом блевать червями. Но страх со временем проходит. Как ты с каждым днем боишься их меньше, так и их страх к тебе с каждым днем уменьшается. И рано или поздно кто-то поверит, что ты действительно бессильна хоть что-то сотворить. Тогда держись крепче. А лучше не держись – помри, как можно скорее, себя же ради.

Дилемма была жуткой: любой вариант страшил Мариссу. Но пока ей казалось, что еще есть время до принятия решения:

– Подождем еще немного, Лида. Если не останется вариантов, тогда подумаем над твоим. Жаль Ноша, но себя мне жаль больше.

– Наконец-то я слышу настоящую ведьму! Ты учти, дурная, что если тебя потащат в Накхас, туда я попасть уже не смогу. Не смогу даже прийти к тебе и утешить.

– Понимаю, – Марисса долго думала, а затем решила поделиться еще одной мыслью: – Но здесь живет любимая женщина генерала. Может, она хотя бы встанет на мою защиту? Неужели она сможет смотреть, если со мной начнут творить такое?

– Сможет, – легко ответила ведьма. – Как сотню раз до тебя смотрела. Но я разузнаю о ней. Спи.

Лида вернулась следующим вечером и сообщила:

– Найна живет в отдельной палатке и пользуется безусловным уважением всех накхаситов. Но не жди от нее помощи.

Мариссе все еще хотелось во что-то верить, потому она цеплялась за надежду:

– Почему? Она плохой человек?

Лида на этот раз была крайне задумчивой и делала большие паузы между словами, словно подбирала правильные к своим мыслям:

– Нет… Она хороший человек. Найна не зла, не жестока, и ей тоже многое не нравится из того, что происходит вокруг. Она терпит это ради любви к своему мужчине.

– Тогда почему же? – Марисса очень обрадовалась. – Значит, к ее состраданию и можно воззвать!

Лида в очередной раз глубоко задумалась, прежде чем выдать:

– Нет… Не знаю. Не могу объяснить. Это то же самое, как когда я чувствую ложь. Вот ты говоришь, что она поможет, а я чувствую ложь. Так не будет. Не поможет. Хотя в ее характере это есть… она не поможет именно тебе, Марисса.

– Но почему?

– Не знаю! Хватит спрашивать! Знала бы, уже сказала, – Лида выдала раздражение в тоне. – В любом случае, молодой маг остается твоим

единственным вариантом. И знаешь что, если тебя повезут в Накхас, то я явлюсь и осуществлю свой план. И пусть его потом рвут на части за твой побег, лишь бы ты выжила. И плевать я хотела на то, что ты об этом думаешь.

Ничего хорошего не прозвучало, но Марисса почему-то улыбнулась, а на глаза навернулись слезы:

– Это забота, Лида. Я тебе никто, а тебе важно, чтобы я жила. Так важно, что ты собственной жизнью можешь за меня рискнуть.

– Пусть так. Плевать. Развесила тут нюни! Ты не ведьма, ты какая-то жалкая деревенская баба. Аж противно смотреть, что одна из нашего племени выросла такой соплей. Спи.

И Лида снова исчезла. Ответов Марисса не получала, но дышать все равно становилось проще. Хотя теперь вариант познакомиться с Найной и воззвать к ее участию она отметала, верила ведьмовской интуиции Лиды. Вот только душа ее чистая, злом еще не зачерненная, все продолжала искать какого-то разрешения – такого, в котором ни один хороший человек не погибнет. Потому и фантазировала о невероятно счастливых исходах. Например, Крайдин Сорк просто погибнет в своем походе – убьют его, и мир сразу станет лучше. А в том лучшем мире Марисса сможет просто уйти и отыскать в лесах Лиду, чтобы хотя бы единожды обнять и получить очередную колкость в свой адрес.

Затишье закончилось так же неожиданно, как началось. С утра в лагере раздавались крики, происходили какие-то сборы. Нош сообщил, что армия переходит на постой в Орнскую крепость, которая за широким Рондом. Мариссу везли в той же самой повозке, а она тревожилась о том, сможет ли Лида появиться так далеко от родных лесов. Ей теперь стало невыносимо страшно остаться одной. Но это пока не Накхас – это всего лишь другой берег Ронда.

Нош все несколько дней пути выглядел встревоженным. Почти постоянно он ехал на лошади следом за повозкой, а вечерами забирался внутрь – дать Мариссе поесть и самому немного подремать на твердой поверхности. И поскольку между ними уже завелась традиция что-то обсуждать, Марисса осмелилась спросить:

– Что тебя беспокоит, Нош? Это плохой знак, что мы едем туда?

– Нет, конечно. Мы взяли последнюю крепость материка, способную оказать сопротивление. Можно сказать, что милорд только что выиграл всю войну. Остальную территорию Накхас присоединит без боя. Некому больше воевать на вашей стороне.

Новости были ужасными, но Марисса заставила себя утаить настоящие чувства и переспросить:

– Тогда почему ты выглядишь так, будто вы проиграли?

Нош глянул на нее и невольно улыбнулся. Маг еще с первой встречи разглядел, что девушка невероятно хороша собой – и пусть это свойство всех ведьм, но взору это не объяснишь. Ее не портили даже грязные нечесаные волосы, зато так легко представлялось, что если Мариссу отмыть в горячей ванне и дать красивое платье, то она затмит любую даму при дворе его величества Рая. И спрашивает она, потому что душа ее, любопытная и живая, требует постоянной пищи для осмысления.

– Нет, Марисса, мы выиграли. Нет причин для тревоги, кроме каких-то мелочей. Что будет с тобой, на каких условиях будут присоединять оставшиеся территории и прочее, прочее, не стоящее обсуждений.

В крепости пленницу разместили в подвальной тюрьме, но благодаря стараниям Ноша, Марисса вполне была способна выносить такие условия. Хотя теперь стало куда хуже: все же в повозке она могла хотя бы иногда выглядывать и дышать свежим воздухом, наблюдать за людьми, хоть чем-то занимать мысли. Здесь же ей оставалось только бесконечное пустое одиночество. И маг, будто это почувствовав, остался с ней ради пустого разговора. Если он будет заглядывать к ней пару раз в день, то заточение окажется не таким невыносимым. И снова это болезненное чувство благодарности к нему за соучастие – чужое, неверное, мешающее принятию единственно правильного решения. Как сложно подписать смертный приговор тому, кто оказывает поддержку.

Крайдин Сорк объявился в ее камере на следующий вечер после переезда в крепость. Марисса, распознав главного своего врага, встала с соломенной лежанки и выпрямила спину. Пусть видит ее какой угодно – вонючей, грязной, без капли надежды – но только не раздавленной.

– Ну, здравствуй, ведьма, – сказал, осматривая каменное помещение и масляную лампу в углу.

– Ну, здравствуй, демон, – ответила она ему в тон, опять ловя себя на мысли, что лучше бы промолчать, а не молчится, наружу рвется: – Гляжу, ты скучал по моей компании. Что, нет в рядах твоих прихвостней человека, который скажет тебе правду в лицо? Так заходи почаще, червь, я всегда готова поболтать.

– Засунь себе эту правду в глотку. Или это сделаю я, – прозвучало равнодушно, беззлобно. – А пока меня интересует совсем другой вопрос. Ты приворожила Ноша?

– Что? – Марисса от такого поворота растерялась.

Крайдин усмехнулся и все же посмотрел на нее прямо, хотя до сих пор как будто собирался этого не делать:

– Ты услышала вопрос. Мне нужно знать, чтобы принять правильное решение на твой счет.

Марисса прищурила глаза:

– А какое решение последует за каким ответом?

Крайдин ответил без паузы:

– Он один из самых перспективных магов Хлаоха. Я не потеряю такого бесценного и верного солдата из-за тебя. Потому если ты его приворожила, то сегодня же тебя сожгут. Говорят, если ведьму сжечь, то вместе с ней сгорят и все заклятия. Тогда Нош освободится. А если ты его не приворожила – значит, ты на это вовсе не способна. Потому что я не представляю, чтобы ты не воспользовалась такой возможностью. А раз ты ни на что не способна, то вреда нанести никакого не можешь. Тогда с тобой можно делать что угодно. Например, выдрать тебе язык, чтобы больше не слышать позывы твоего глупого высокомерия.

Марисса рассмеялась – неожиданно для них обоих легко, без напряжения:

– Ищешь причину для потехи? Твой маг свободен от моих заклятий. Если бы я была способна кого-то приворожить, то начала бы не с единственного здесь хорошего человека. Ты намного больше подходишь для этой роли – ползать в моих ногах и умолять хотя бы взглянуть на тебя! О, клянусь тебе всеми духами, Крайдин Сорк, как только я смогу причинить тебе любое зло – ты почувствуешь это первым!

Крайдин бездумно сделал шаг к ней, но, поймав себя на всплеске злости, успел унять его. Остановился. Развернулся и вышел. После затхлого подвала свежий вечерний воздух ударил в ноздри, пьяня.

Зачем ведьма его провоцирует? Зачем говорит именно так, чтобы он схватил ее за горло и сжимал пальцы, пока не раздастся хруст? А может, она именно этого и хочет – просто умереть и больше не страдать? Сейчас ее от смерти отделяла всего секунда, всего один жест или невероятный самоконтроль Крайдина. Это не воздух пьянил, это та самая неслучившаяся секунда мутила мысли. Представление, что он все же поддался порыву, протянул руку и взял ее за горло. И… вероятно, убил бы не сразу, а наклонился и провел бы языком по этой светящейся изнутри коже. Чтобы всю ее скрутило от отвращения, чтобы ведьма пожалела о своих словах. Крайдин не брезглив: ради ее отвращения он мог бы сделать над собой усилие… и провести языком, широко, влажно по ее шее… И только потом убить.

Очнулся, кое-как вспомнив о том, что пора скинуть напряжение. Найне сегодня предстоит очень сложная ночь. Крайдин ощущал немыслимую тяжесть, которую обязательно надо выплеснуть. Многократно, не давая себе возможности опомниться, пока все эти странные мысли не сотрутся начисто.

Он и сам за собой не замечал изменений. Со своей любовницей Крайдин часто бывал груб – и часто именно его грубость распаляла ее сильнее. Но теперь он был не просто груб, он был отстранен. Ему все казалось, что из тела напряжение не уходит, что стоны Найны, его имя из ее уст звучат как-то неправильно, оттого и тяжесть остается. Он приказывал ей заткнуться, не издавать ни звука, он жмурился, не желая ее видеть. Крайдин за собой этого не замечал, но это неизбежно замечала любящая и прекрасно знающая его Найна.

Глава 11

Все развалилось в один момент. Хотя поворот был так предсказуем, что сейчас вызывал только желание рассмеяться над собственной глупостью. Крайдин Сорк никогда не позволял себе истерик, даже когда они были так кстати.

Письмо с королевской печатью доставили из Хлаоха слишком быстро. Как если бы кто-то из военных магов передал послание туда сразу же после взятия Орна, а послание было уже готово к этому моменту – так быстро оно оказалось в руках Крайдина. Письмо Рая он разворачивал неспешно, уже предчувствуя, что ничего хорошего оно не сулит.

«Весь народ Накхаса поет песнь в твою славу, брат! Твоими стараниями наступает эра величия и благоденствия. Впереди еще много дел и много лет, прежде чем мы сможем установить Единый Закон и завершить объединение Накхаса, но верю, брат, что уже наши с тобой дети будут жить в ином, самом могущественном государстве освоенного света. И никто не забудет, кто сделал к этому величию первый шаг!»

Крайдин отвлекся и прикрыл на несколько секунд глаза, обуревая внутреннюю бурю. Рая до сих пор он считал слишком мягкотелым и спокойным, но брат обзавелся толковыми советниками. Этот ход – блестящее подтверждение их толковости.

«И наша с тобой династия войдет в историю не под именем Кровавой, а под именем Милосердной. Ибо мы, благодаря твоим стараниям, пережили страшный этап завоеваний и теперь можем оставить его позади. Ты поработал над войной, наступила пора работать над миром. Впереди море свершений, Крайдин! И я не обойдусь без твоей помощи, без твоей верности и братского совета. Возвращайся в Хлаох, будь со мной рядом в этом нелегком деле.

Оставшиеся территории присоединятся к нам бескровно, ты знаешь это сам. Через пару лет я поставлю перед ними ультиматум, и будь уверен – они примут верное решение. Хотя бы потому, что увидят первые плоды этого грандиозного союза.

Ожидаю тебя и каждого из славных солдат армии Накхаса в столице. Рай»

Если бы в комнате сейчас присутствовал кто-то еще, то Крайдин бы, наверное, просто убил этого человека на месте. Его хваленая выдержка в кои-то веки дала сбой. Он зарычал, смял письмо в кулаке, а потом им же треснул по столу, до крови разбив костяшки. Снова закрыл глаза и заставил себя дышать медленно, приходя в себя.

Почему он такой очевидный исход не предположил раньше? Незавоеванными остались только западное побережье и Мирандийский полуостров. Но Рай не приказал Крайдину присоединить их без крови – это как раз было бы теперь правильным решением. Он явно указал вообще не идти на два этих направления. И объяснение простейшее: теперь нельзя будет сказать, что Крайдин объединил весь континент, это сделает Рай. Рай Милосердный, чтоб его черви жрали! Крайдин Сорк войдет в историю как кровавый завоеватель, а Рай станет строителем мира. Логично, глупо спорить. Логично, демоны его дери, что король, а теперь уже император, не захочет отдавать эту славу кому-то другому. Логично, что кто-то делает грязную работу, а кто-то срывает плоды. И еще неизвестно, не объявят ли после генерала и всех его солдат жестокими преступниками – только лишь для того, чтобы еще сильнее подчеркнуть свое «милосердие».

Ослушаться прямого распоряжения означало выступить прямо против императора. Революция. А Крайдин никогда не хотел воевать с братом так открыто. Ему не нужна корона, трон этот треклятый не нужен – и никогда нужны не были. Крайдин просто хотел укрепить свое положение раз и навсегда, чтобы перестать беспокоиться о том, что его мать была всего лишь любовницей предыдущего правителя.

Ответ он написал, уже пребывая в спокойном состоянии. Предложил Раю просто присоединить оставшиеся земли, притом без единой жертвы – последние поселения пойдут на это, даже не задумываясь. Им хватит молвы. Написал и отправил в Хлаох, но уже знал наверняка, что получит отказ. Ведь смысл как раз не в этом. Крайдин просто хотел выиграть время, чтобы хорошенько обо всем подумать. Ему в любом случае придется вернуться, но хотелось бы для начала определиться, в каком настроении и с какими планами на будущее он явится во дворец. Теперь он выиграл пару недель, пока ждет ответа, а до тех пор ему можно оставаться в крепости без прямого нарушения королевского указа.

Настроение было отчаянно низким. Крайдин старался не показывать этого подчиненным, потому почти целыми днями сидел в своей комнате и пил вино.

После третьей чаши всегда начинало казаться, что он в любом случае все сделал правильно: какие здесь богатые земли, какие виноградники! Теперь и в Накхасе появится это замечательное вино, которое любую ситуацию украшает малиновым цветом, – смотреть приятнее, а легче не становится.

Через пару дней после злополучного приказа, он, немного на хмеле, рассматривал двор и уже в который раз заметил Ноша, выходящего из низкой подвальной двери. Бегает туда маг, с ведьмой своей общается. Приворожен или нет, но Нош выглядит вполне в своем рассудке, а ар-Дандир заверяет, что в случае приворотного заклятия должны наблюдаться явные признаки неадекватности: зачарованный любой разговор сводит к предмету обожания, отвечает невпопад, рассеян. Ничего из перечисленного в поведении Ноша не было, но и архиватор наверняка знать не мог. Той же ночью Крайдин отправился в каменную тюрьму, на ходу определяясь, для какого именно разговора туда идет.

Ведьма, как обычно, вскочила на ноги сразу, словно и не дремала до его появления. Она приближение Крайдина словно чует издалека. Или просто ее слух заострился от долгой тишины? Сколько она уже в заточении? Совсем немного и очень долго – смотря, с какой стороны от решетки наблюдать.

Она что-то пробурчала, Крайдин не расслышал и переспрашивать не стал. И так понятно, очередное проклятие, которое не наполнено ведьмовской силой. Если бы все проклятия работали, то Крайдина уже давно не было бы в живых. Как повезло ему, что ведьм так мало. Или что так мало ведьм повстречалось на его пути.

Он сел на холодный пол, вытянул ноги, сделал щедрый глоток из бутылки, которую не забыл прихватить с собой. Марисса, потоптавшись на месте, все же отошла к своей лежанке и разместилась там.

– Празднуешь, демон? – спросила она, не в силах больше выносить затянувшееся молчание, неприятное для них обоих.

– Праздную, – без эмоций подтвердил Крайдин. – Хочешь присоединиться, ведьма?

– Разве что плюнуть туда, – ответила она равнодушно. – А давай попробуем, Крайдин Сорк. Может, хоть в моей слюне окажется достаточно для тебя яда?

Крайдин усмехнулся:

– Ползи сюда. Плюй.

Марисса не сдвинулась с места, но он этого и не ожидал.

– Зачем пришел сюда? Тебе поговорить не с кем? Неудивительно.

Кажется, Крайдин мало вина с собой прихватил. Пойло уходило слишком быстро.

– Нет. Мне нужно решить важный вопрос – что теперь делать с тобой. Вот и подумал, а почему бы не решать его вместе с тобой, раз тебе тут все равно заняться больше нечем?

– Что со мной делать? А из каких вариантов выбирать?

Крайдин подумал и ответил честно:

– Я ловил тебя с определенной целью – выманивать тобой других ведьм. Но теперь это не имеет смысла. В тебе больше нет никакого смысла. Если вообще когда-то был.

– Почему же? – она явно заинтересовалась, но всеми силами пыталась сохранить спокойный тон.

– Война закончена. Мы не пойдем на юг.

– Правда? – она не удержала радости и даже немного подскочила на месте, но потом уселась на место и вжалась в тот же угол.

Крайдин опустил голову и тихо рассмеялся. Радуется, дура. Не за себя, конечно. За своих близких или других ведьм, без разницы. Ее радость такая материальная, что будто воздух вокруг изменила, сделала свежее.

– Правда, – ему было лень ее мучить ложью. – Мы возвращаемся в Хлаох. Не сегодня и не завтра, но довольно скоро.

– А я? – она снова не удержалась. Крайдину даже показалось, что он расслышал стук ее сердца, взволнованного новостями. Хотя, конечно, это было невозможно.

– Вот и я о том же. А ты. Может, сжечь тебя? Хоть порадуешь своими криками, – он дал ей возможность ответить привычным сарказмом, но Марисса промолчала. – Или потащить тебя с собой в Хлаох. Нош в любом случае к тебе привязан, даже если не приворожен. Он точно сможет присматривать за тобой, а для наших архиваторов ты можешь быть полезной… Хотя какая от тебя им польза? Ведь ты не настоящая ведьма и ничего важного не знаешь.

– Не настоящая, – эхом отозвалась она.

– Отпустить? – Крайдин будто спрашивал самого себя.

– Отпустить? Ты говоришь серьезно?

– Я перечисляю варианты, ведьма.

Она выдавила из себя смешок:

– О, Крайдин Сорк, а эта тема разговора впервые для меня интересна, продолжай!

Он невольно глянул на нее. Отблеск лампы плещется в ее глазах. Девчонка красива, что уж говорить. Не будь такая ведьмой, то одна бы не осталась. Но мир живет в гармонии – он уравновешивает дары. Такая красивая девчонка, но никто по доброй воле такую не захочет, потому что ведьма. Хоть и ненастоящая.

Крайдин снова уставился на бутыль с вином, чтобы не смотреть на нее. Ее кожа имеет явное свойство завораживать, путать мысли. А у него и без того в голове хаос. В конце концов, она просто одна из тысяч жителей огромного мира, никому не угроза, а Крайдину больше не нужна. Он видел смысл в оправданной жестокости, но не в этом случае – нет вообще никакой разницы, сдохнет она или будет жить вечно. На его истории это уже никак не отразится.

Потому он все же снова посмотрел на нее и сказал более уверенно, определившись:

– Да, ведьма, отпущу. Мне нет толку ни с твоей жизни, ни с твоей смерти. Но могу ли я быть уверенным, что Нош не поскачет вслед за тобой?

Всё, на этом ее мнимое равнодушие закончилось. Марисса подалась всем телом вперед, расширила глаза, не в силах справиться с эмоциями:

– Он не под заклятием, Крайдин Сорк. Если дело только в этом, отпусти! Сотвори одно доброе дело, если тебе всерьез все равно!

Это ее движение к нему заставило Крайдина замереть. Или это вино разом ударило в голову. Но целую секунду ему казалось, что он уже не хочет ее отпускать. Убить, может быть? Разорвать на части, чтобы унять эту бесконечную тяжесть? Понимая, что это просто какой-то эмоциональный порыв, Крайдин привычно унял его. Но резко поднялся на ноги и пошел на выход, пока не поймал себя на еще каких-нибудь желаниях.

Бросил только напоследок:

– Отпущу. Но только тогда, когда мы отправимся в Хлаох. До тех пор я хочу быть твердо уверенным, что мой маг ни в какой степени от тебя не зависит. Что, отпустив тебя, я не потеряю ни его, ни его преданность.

– Не зависит! Он не приворожен! – отчаянно заверяла она ему вслед, но Крайдин не обернулся.

Все правильно. Пусть она живет. Пусть рожает таких же красивых рыжих дочерей – и хоть кто-то из них может стать настоящей ведьмой! Пусть ведьм будет больше. Пусть Рай поймет, что не все так просто, как он себе придумал. Что своим милосердием он может только кошек смешить, и только потому, что ведьм слишком мало. О, эти твари показали бы его императорскому величеству цену милосердия! Хотя бы такая мелочь, хотя бы это. Это вино говорило вместо разума, но Крайдину стало окончательно плевать.

Глава 12

Во дворе Крайдин разглядел стройную фигурку, кутающуюся в дорогой плащ из тонкой кожи горных коз.

– Найна, что ты здесь делаешь?

– Жду тебя, мой господин, – тихо ответила женщина.

– Зачем? Я позвал бы тебя сам, если бы захотел.

– И ты зовешь все реже, – Найна сделала осторожный шаг к нему. – Почему ты ходишь к ведьме?

Нелепость вопроса Крайдина рассмешила. Или разозлила, или прибавилась к и без того мрачному настроению, он пока не определился.

– Ты что же, возомнила себе, что можешь меня об этом спрашивать?

На этот раз Найна не отреагировала на скрытую в голосе угрозу. Вероятно, ее сердце терзали настолько сильные тревоги, что она позабыла о самосохранении:

– Ты спишь с ведьмой? Она нравится тебе?

– Нравится? Что ты несешь? – Крайдин действительно начал наполняться яростью.

Но любовница ухватила его за руку и преданно заглянула в глаза:

– Она приворожила тебя, мой господин! Не верь этому чувству! Не верь ей!

Это было слишком. От ревности Крайдина тошнило, он не выносил этого чувства – а особенно от тех, кому такого права не давал. Однако он все еще пытался говорить спокойно:

– Найна, ты выжила из ума. Но больше меня злит другое – ты решила, что я твоя собственность? Если я вдруг захочу взять эту ведьму или сотню других ведьм, то ты последняя, чьего разрешения я буду спрашивать. Я понятно выражаюсь?

– Нет, мой господин, я не об этом! Я тревожусь о тебе! Бери… любую бери, но только не эту дрянь!

Крайдину даже захотелось ее ударить – просто чтобы заткнулась. Найна, обычно спокойная и терпеливая, несла такую чушь, от которой у него кровь сворачивалась в жилах. Как она вообще до такого абсурда додумалась? Он сдержался, но резко оторвал ее от себя и заявил сухо, чтобы она каждое слово поняла:

– Прекрати. Иначе пожалеешь.

И Найна отступила. Она так сильно испортила ему и без того плохое настроение, что он даже не захотел превратить гнев в страсть, как часто делал это раньше. Просто отправился в свою комнату, чтобы распечатать еще одну бутылку вина.

* * *

Марисса долго после его ухода не могла прийти в себя. Не соврал, чтобы в очередной раз поиздеваться? Неужели отпустит? Вот так просто? И ее страдания закончатся? Конечно, она их долго забыть не сможет, но… сердце стучало и стучало молоточком, вопя о появившейся надежде.

Ношу днем она об этом не рассказала – уж очень боялась сглазить мерцающее чудо. Но, конечно, придется. Хотя бы для того, чтобы приходил к ней реже и больше не думал открыто выражать заботу. Марисса подберет правильные слова и объяснит магу, что только так он по-настоящему ей поможет. И Нош поймет, потому что у этого человека доброе сердце.

Лида здесь почти не появлялась. Крепость Орна была слишком далеко от ее лесов. Она могла лишь на пару минут заглянуть и иногда что-нибудь сказать, но на долгие разговоры ей не хватало сил. Марисса радовалась и коротким визитам. Но на следующую ночь она услышала знакомый голос из темноты намного отчетливее, чем в предыдущий раз:

– Проснись, дуреха, – позвала Лида.

Марисса быстро села и почти сразу сообразила:

– Ты где-то близко, Лида? Ты ушла из своего леса?

– Да, – нехотя признала та. – Почувствовала, что с тобой что-то не так. Вчера на рыбацкой лодке переправилась через Ронд. Я за ближайшим холмом, меня не найдут.

Марисса была счастлива, что появилась возможность разделить с ведьмой радость. Она подробно пересказала той весь последний разговор с жутким генералом. И тут же боязливо уточнила:

– Как ты чувствуешь, он врал?

Лида долго хмыкала и размышляла, прислушиваясь к своим тонким ощущениям. Ответила неуверенно:

– Кажется, не врал… Но его слова пересказываешь ты и невольно перемешиваешь их своей надеждой, потому я не могу сказать определенно…

Марисса же услышала только то, что хотела услышать, и воскликнула радостно:

– Разве это не здорово, Лида? Могла ты вообразить, что он вот так просто меня отпустит?

– Стоп, – осекла ее ведьма. – Повтори еще раз.

Марисса сжалась от страха и сказала совсем тихо:

– Он меня отпустит…

– Нет, – на этот раз в голосе ведьмы звучала решительность. – Не отпустит. Теперь я услышала это четко. Вполне возможно, он не врал, когда давал тебе обещание, но произойдет что-то, из-за чего ты так и не увидишь свободы.

Марисса что-то ответила – сама не расслышала, что именно. А потом завалилась набок, прижала колени к груди и заскулила. Она и сама не понимала, что уже поверила! Она, оказывается, уже и не сомневалась – и просто настраивалась еще немного подождать. Мариссу охватила злость на Лиду за то, что она все разрушила. И ничего об этом не сказала, потому что душа кричала – ведьма не стала бы врать. Лида желает ей только хорошего, потому и говорит правду. Как бы Мариссе хотелось еще хоть денек прожить без этой самой правды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlova_tal-yana/moya-sud-ba-pod-tvoimi-nogami

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить